

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗИНОВИЙ ЮРЬЕВ

ЧУЖОЕ ТЕЛО,

ИЛИ ПАЗЗЛ ПРЕЗИДЕНТА

В игре побеждает тот, кто устанавливает правила.

Зиновий Юрьев

Чужое тело, или Паззл президента

«Снежный Ком»

2011

Юрьев З. Ю.

Чужое тело, или Паззл президента / З. Ю. Юрьев — «Снежный Ком», 2011

Президенту крупной ИТ-корпорации поставлен страшный диагноз: ему осталось жить не более четырех месяцев. Но кому-то и этот срок кажется слишком долгим. Кому – конкурентам, партнерам, спецслужбам или собственной жене? Разбираться нет времени. Нет времени и подготовить достойного преемника. Между тем корпорация стоит на пороге открытия прорывной технологии. Кто способен сложить паззл для Президента? И окажется ли этот паззл морально безупречным? Новый роман классика отечественной фантастики Зиновия Юрьева – это подлинная НФ, обрамленная захватывающей детективной интригой, помноженная на прекрасное знание автором мира крупного бизнеса. И все это – в превосходной стилистике Настоящего Мэтра. «Зиновий Юрьев – имя для любого знатока фантастики знаковое. «Черный Яша» и «Часы без пружины», «Финансист на четвереньках» и «Полная переделка», «Белое снадобье» и «Быстрые сны» – книги, которыми зачитывались многие нынешние писатели – в том числе и я. Но самое удивительное, что Зиновий Юрьев и сам фантастичен, как его герои. В 85 лет он продолжает писать – и пишет все так же увлекательно, красиво и даже по-хорошему хулигански, как в молодости! Честно говоря, в это просто трудно поверить, но вы можете проверить. Откройте новую книгу Зиновия Юрьева. Это фантастика!» (Сергей Лукьяненко)

© Юрьев З. Ю., 2011
© Снежный Ком, 2011

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	18
3	29
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Зиновий Юрьев

Чужое тело, или Паззл президента

Самое опасное в невозможном – это то, что оно может стать возможным.

П. Г. Илларионов, бизнесмен

Часть первая

ДО

1

Сколько Петр Григорьевич помнил себя, с самых юных лет у него была какая-то нелепая привычка непроизвольно выглядывать и угадывать в трещинках на стенах, в разного рода узорах, в натюрмортах и даже в облаках некое подобие человеческих лиц. Причем преимущественно мужских. Были они раздражающе непостоянны – то вот они, ясно видны, то посмотришь еще раз, а их и след простыл. И были эти рожицы, как правило, карикатурно уродливы и, казалось, всегда чему-то ехидно ухмылялись. Где-то он читал, что нечто похожее используют в своих тестах психологи и психиатры, когда предлагают своим пациентам посмотреть на так называемые кляксы Роршаха – кляксы, в которых испытуемого просили найти случайные ассоциации.

Капли ли, кляксы – он к ним никакого отношения не имел, потому что видел в узорах и трещинах только лица. Вот и сейчас, лежа на высокой больничной кровати в своей отдельной палате, он ясно видел отвратного вида старичка, прятавшегося в аляповатом акварельном натюрморте на стенке напротив, который изображал букет сирени. Носатый одноглазый уродец поглядывал на него из-за сиреневых веток с нескрываемым злорадством. Впрочем, понять, чему он так радовался, было нетрудно. Похоже было, что вскоре и сам Петр Григорьевич, до недавнего времени преуспевавший бизнесмен шестидесяти двух лет от роду, превратится в узор. И то хорошо, если хоть в узор. Скорее всего, и узора не останется, ничего не останется.

Три дня тому назад его лечащий врач Гурген Ашотович, с которым он был знаком уже лет пять, если не больше, зашел в его палату с каким-то напряженным лицом, медленно, словно выигрывал время, плотно прикрыл за собой дверь и осторожно вставил свой обширный зад в креслице, которое стояло подле кровати. На мгновение сердце Петра Григорьевича остановилось и тут же ухнуло куда-то вниз, оставив во всем теле холодную сосущую пустоту. Он всегда мгновенно чувствовал опасность. Впрочем, вряд ли бы он иначе пережил две попытки пристрелить его и один раз взорвать его «мерседес». Тогда, едва только сев в машину, он неожиданно сам для себя вдруг попросил своего водителя-охранника Гену остановить машину и вернулся в офис. Он не успел даже дойти до лифта, когда услышал грохот взрыва. Хороший был парень Гена, жаль его. Оставил вдову и двухлетнего сына. На похоронах Петр Григорьевич обнял ее за зябко дрожавшие плечи и сказал, что распорядился выдать ей сразу тридцать тысяч долларов – тогда еще, в середине девяностых, считали все только в долларах – и ежемесячно платить по триста до совершеннолетия сына. Она с тех пор и замуж вышла, честно сообщила ему об этом, но он назначенную им пенсию продолжал платить. Ведь не только ей шли деньги. Парень рос. Похож на отца как две капли воды, отметил Петр Григорьевич, когда однажды он пришел с матерью поблагодарить его.

Много раз после того случая Петр Григорьевич пытался вспомнить, почему вдруг решил вернуться в офис. И так и не смог. Потому что никаких разумных оснований для этого не было. Ни о делах никаких недоделанных не вспомнил, и ничего в своем кабинете не забыл. Просто взял да вернулся. Словно какая-то высшая сила решила побережь его тогда и вовремя выдернула из машины. Не пришло, мол, еще его время. Тогда...

– Петр Григорьевич, – со вздохом сказал доктор, – иногда я думаю, что в советские времена, когда больным правды об их состоянии не говорили, щадили их, мы, пожалуй, поступали не так уж глупо. Надежда умирает последней и всякое такое... С другой стороны, человеку ведь в наши времена нужно дать время привести свои дела в порядок, всякие там завещания и всё такое... А какие дела были у советского человека? Всё, так сказать, помещалось в личном деле. В одном, строго говоря, листке по учету кадров. Не был, не состоял, не имею. Чего завещать-то? Своего-то ничего не было. Всё казенное, от убогой комнатки в коммуналке или крошечной кооперативной квартирки до двух плохо переваренных котлет московских по семь копеек штука в желудке. Ну, что еще своего могло быть у советского человека за душой? Ну, разве что две пары семейных, как тогда говорили, трусов бэу? Холодильник «Саратов» неработающий? Телевизор «КВН» с помутневшей линзой перед крошечным экранчиком? Подписка на журнал «Крокодил»? И что бы человек ни оставил в наследство, всё равно пришлют кого-нибудь от месткома на кладбище, чтобы сказать с равнодушно-постным лицом, что покойный-покойная всегда выполнял-выполняла и перевыполнял-перевыполняла норму и упорно работал-работала над повышением своего профессионального и политического уровня. И все на кладбище постараются при этом не улыбнуться, потому что работа над поднятием своего политического уровня покойнику-покойнице явно не помогла, да и думали провожающие не столько о покойном-покойнице, сколько о поминках...

– Гурген Ашотович, – прокаркал Петр Григорьевич каким-то не своим голосом, – не юлите. Он самый?

– К сожалению, да. Рак поджелудочной железы в четвертой степени, то есть...

– Четвертая степень – это что, как высшая мера наказания?

– В общем, да. Только просить о помиловании некого... Поверьте... Мы вас и здесь исследовали, и в Онкоцентр возили, и консилиум собирали. Так что...

– Рад бы не верить, да не получается... И сколько вы мне дадите времени? Надеюсь, счет идет еще не на часы...

– Вы мужественный человек, Петр Григорьевич. Даже шутите... Понимаете, человеческий организм – это все-таки не машина, на калькуляторе такие вещи не просчитаешь, но, боюсь, дорогой друг, месяцев семь-восемь, не больше... Во всяком случае меньше года, увы...

– А операция? – спросил Петр Григорьевич только для того, чтобы что-то спросить, потому что ответ он прекрасно представлял. Иначе бы вел себя доктор совсем по-другому. – Может, в Германии или в Израиле...

– Стадия абсолютно неоперабельная, рак этот довольно агрессивный и уже дал метастазы. Рак поджелудочной бывает очень коварен. Ничего не болит, никаких симптомов, а потом сразу удар под дых. Нокаут. Мы делали вам полную диспансеризацию почти год назад, точнее, тринадцать месяцев, и ничего подозрительного тогда не обнаружили... А насчет границы, так и там, поверьте, чудес не творят. Наши хирурги, во всяком случае, лучшие, режут несколько не хуже. Это в целом наша бедная медицина, бедная во всех смыслах этого слова, отстает, а в хороших центрах у нас и специалисты не хуже, и оборудование теперь на уровне. Да и врачи и сестры у нас как-то потеплее, почеловечнее, что ли... Я когда стажировался в Германии, в Мюнстере, это сразу почувствовал... И дело, поверьте, не в каком-нибудь моем яром патриотизме. Откуда у армянина может быть русский квасной патриотизм? Так что, увы. Рад бы вас обнадежить, да при всей симпатии к вам, простите, не могу.

– А какие-нибудь лекарства...

– Радикального, увы, ничего до сих пор нет. Одни надежды. Кажется, со дня на день дождут рак в конце концов. Еще немножко, как поется в известной песне, еще чуть-чуть. Это ведь сколько лучших медицинских голов в лучших лабораториях мира круглосуточно на него охотятся, обложили со всех сторон. Кажется, вот-вот и можно будет в Стокгольм за Нобелем собираться, пора уж и тезисы своей Нобелевской речи набрасывать. Ан нет, опять этот зло-вредный рак выворачивается в последнюю минуту. Так что в реальности пока что только статьи в научных журналах, не более того. Кроме, разумеется, тех случаев, когда застанут болезнь вовремя, и еще можно оперировать... Конечно, все новейшие препараты мы попробуем, но не стану вас обнадеживать. В лучшем случае они лишь несколько отсрочат... И то, повторяю, в лучшем случае. Несколько дней мы вас здесь еще поддержим, чтобы подобрать нужные дозы, а потом в больнице вам делать нечего. Дома-то у вас есть кому за вами ухаживать?

– Будем считать, есть. Жена...

– Отлично. И не думайте, что вам обязательно нужно лежать. Пока есть силы, можете заниматься своими делами. Даже старайтесь ими заниматься. Даже через силу. По крайней мере, будете меньше концентрироваться на своем состоянии. Завтра я к вам обязательно зайду. – Доктор испытующе посмотрел на Петра Григорьевича, словно мысленно что-то прикидывал. – Тем более что я хотел с вами поговорить об одной вещи...

– О вечности?

– Самое смешное, что...

– Что «что»? А сейчас нельзя?

– Мне еще нужно переговорить с одним моим старым знакомцем... И пожалуйста, не спрашивайте меня больше ни о чем. По крайней мере, сегодня. Мужайтесь, Петр Григорьевич. До завтра.

Доктор с трудом вытащил свой грузный зад из креслица. За те безумные деньги, что они здесь дерут с пациентов, привычно подумал Петр Григорьевич, могли бы сделать палаты хоть на несколько метров больше. Впрочем, какая ему разница... Гроб-то всё равно потеснее будет, между прочим... И ничего, уляжется, как миленький, и жаловаться на неудобства не станет. И некому и незачем. Да и не заметит их.

* * *

Конечно, когда боли у него где-то в животе начали становиться всё более настойчиво-требовательны, когда заметил он, что худеет, а нос на лице, которое каждый день смотрело на него из зеркала во время бритья, как-то, казалось ему, утончился и удлинился, мысль о раке не раз приходила ему в голову. А кто в его возрасте может исключить такое? И все-таки верить в подозрения не хотелось, ну никак не хотелось. Ни за что не хотелось. Просто гнал он от себя эти мысли. Почему рак? Почему именно у него? У других – это понятно, вещь вполне банальная, а в определенном возрасте даже более чем вероятная, но у него-то? То ведь у других, а он-то не другие... В конце концов, тело наше – это обширнейшее меню всяческих болячек – только выбирай. А можешь и не выбирать, какая-нибудь хворь и без заказа явится. Доставят на дом, как пиццу какую-нибудь. Да еще бесплатно. Чем плох, скажем, гастрит или, например, дуоденит, который был у него лет сорок назад. Или старая добрая язва? Живи, болей, лечись, радуйся. А оказалось, что выбор за него уже кем-то сделан, судьбой ли, Господом Богом, каким-нибудь дефектным геном – какая разница... И можно больше не хвататься за соломинку. Хватайся не хватайся – всё равно не выдержит. И ни один спасательный круг не выдержит. Нет их просто-напросто. Ни за какие деньги не купишь, хоть миллионы предлагай. И к простенькой этой, но чудовищно страшной мысли нужно потихоньку привыкать. В конце концов, не он первый и не он последний. Не было еще смертного, которому бы не удалось отбросить копыта в положенный час. От нищего попрошайки до самого могущественного императора или тирана.

Не зря в английском языке один из синонимов глагола «умереть» – «присоединиться к большинству». Чуть раньше присоединишься к нему, чуть позже – какая, в сущности, разница. Всё равно окажешься в большинстве. Гм, поймал себя на этом слове Петр Григорьевич, он сегодня то и дело думает о разнице, а разницы-то и впрямь нет.

Рак Петру Григорьевичу почему-то всегда казался чем-то вроде цепкого бурьяна, который буйно рос вдоль забора в деревне у бабушки Шуры, куда его мальчонкой отправляли из Москвы на лето, а метастазы – в виде цепких корней, которые никак не давали возможности выдернуть эти длинные жесткие стебли, когда он сбивал их палкой, представляя, что перед ним вражеское войско. А конец... Иногда Петр Григорьевич представлял себе жизнь, не только свою, а жизнь вообще, в виде вращающейся сцены в жизненном театре. Вот откуда-то из кулис небытия она медленно выносит на свет ramпы орущего и писающего младенца, вот младенец уже пошел, вот влюбился в первый раз, вот стал взрослым, родил уже своих детей, вот начал стареть и хворать, а сцена по-прежнему неумолимо совершает свой мерный круг, неся его к другому черному провалу, чтобы освободить место для новых поколений, которые уже нетерпеливо ждут своей очереди за кулисами. И ничего на свете не может остановить эту жестокую машинерию жизни и смерти.

Но что все-таки имел в виду доктор, на что намекал? О какой такой вещи хотел с ним поговорить? О чем говорить, когда сам назначил мне срок последнего отбытия... Наверное, посоветует какого-нибудь мага в десятом поколении с дипломом доктора космических исцелений. А что, они теперь вполне могут и с медиками в тандеме работать. Или сосватает святую какую-нибудь старушку. Какую-нибудь Матрону Красносельскую, Ульяну Тверскую или Ефросинью Большую Дорогомиловскую с бумажными иконками и расфасованными в старую газету травами. Впрочем, в его случае все они действительно могли соревноваться с медиками на равных. И те, и другие всё равно ничем помочь ему не смогут.

Назавтра Гурген Ашотович сказал, что никак не может найти своего таинственного знакомого, но обязательно разыщет его.

* * *

За окном было уже совсем темно – все-таки август. Его последний август. Впрочем, надо привыкать – у него теперь почти всё последнее. Последняя осень. Хорошо, если будет и последняя зима... Люди ждут первого снега. Ему бы хоть последний снежок в своей жизни успеть увидеть. Петр Григорьевич посмотрел на часы. Без пяти десять. Сейчас придет сестричка Даша сделать ему двойной укол на ночь, обезболивающий и успокоительный. Совсем молоденькая, лет, надо думать, не больше девятнадцати-двадцати, белобрысенькая, с забавными локончиками волос, всегда выбивавшимися из-под белой накрахмаленной шапочки, в меру пухленькая, какая-то пушистенькая, как котенок, улыбчивая. А ну, Петр Григорьевич, готовьте попу, – пропоет она, протрет спиртом место для укола, выпустит вверх тонкой серебряной струйкой каплю содержимого шприца, чтобы удалить из него воздух перед уколом. Не больно? – проворкует она, а он ответит под ее смех: ну что вы, Дашенька, даже приятно.

* * *

Он как-то читал, что какие-то дикари, теперь, наверное, их в традициях нынешней политической корректности нужно называть не дикарями, а аборигенами, считают (или это они раньше считали, еще до того, как появились у них в джунглях Макдональдсы, кто их знает) сон малой смертью. В его случае, невесело ухмыльнулся он, похоже, сон – это уже не малая смерть, а малая жизнь. Во сне не будет ни Гургена Ашотовича, зачитывающего ему приговор без права апелляции, ни мыслей о конце и бездонном черном провале, который ожидал его там. А будет

какая-то веселая жизнь, в которой Таня, его первая жена, настоящая жена, настоящий друг и товарищ, не чета нынешней, жива и весела и называет его «дорогой мой купец», сын еще думает о будущем и не помышляет о наркотиках и уж давно не собирается в монастырь, где он уже живет почти четыре года, напрочь вычеркнув отца из своей жизни. И одна картинка прежней жизни будет сменяться другой, как в детском калейдоскопе, без всякого смысла и логики, а потом в прежнюю жизнь как-то незаметно вплывут картины настоящей. Но не бо́льничной с мыслями о скором конце, а планы развития и процветания его ИТ-компании. Его компании... Смешно.

Петр Григорьевич вдруг вспомнил свой последний разговор с сыном. «Понимаешь, отец, – печально, даже скорбно сказал он, и сердце Петра Григорьевича словно обручем сжало, – я тяжело болен. И дело не только в наркотиках. Дело и в другом. Кроме дури подсел я и на более страшный крючок. Я вдруг задумался, для чего мы живем, в чем смысл жизни. А это самый опасный вопрос, опасный и коварный, особенно в молодости, потому что ответа на него нет, и в помине никогда не было. И быть вообще не может. Потому что на каждый ответ находился всё тот же вопрос: а зачем? Не случайно на нем русская интеллигенция еще в девятнадцатом веке свихнулась. Искали его люди-человеки, искали испокон веков, ничего не скажешь. И империи строили, и веру огнем и мечом экспортировали, и революции устраивали, и еретиков и просто иноверцев уничтожали и в розницу и оптом миллионами – всё это, как говорил один почтенный библейский персонаж, суeta суeta и томление духа. Пусть часто кровавая, но всё равно суeta. Понимаешь, вопрос этот – что рыболовный крючок с зазубринами. Раз заглотнул – обратно не выплюнешь. Может, и лень и пьянство наше российское тоже начало берут от обреченных этих поисков и томления духа. Раз нет высшего смысла, куда стремиться, чего ради горбатиться и из шкуры выскакивать. Выпил – тут тебе сразу на душе потеплело. Как говорит один мой знакомый, «словно Иисус босиком по душе пробежал», веселей стало, и смысла никакого вроде и не нужно. Вот и выходит, что какой-нибудь европейский обыватель, презренный бюргер, на которого мы в своей нелепой гордыне смотрим с презрением и который поисками смысла жизни себя не слишком обременяет, приспособлен к ней куда как лучше, чем мы со своим Достоевским. Пока русская интеллигенция гонялась за миражом, который казался ей истиной, они там на Западе потихоньку-полегоньку свою жизнь обустраивали. С провалами, конечно, с отступлениями, но обустраивали. А нас всё больше к революциям тянуло, страну кровью умывали и всё ждали, пока нам кто-нибудь путь к высшему смыслу укажет. Маркс-Энгельс вкупе с Ильичом особенно не преуспели. Как-то все эти прибавочные стоимости и диктатура пролетариата не грели всерьез наши души. Зато когда Усатый наш Пророк загнал нас в конце концов в ГУЛАГ истину искать, там тебе ее быстро вколачивали.

Вот и бегу от них, от абсурдных этих поисков. Попробую в одном монастыре спрятаться. Понравилось мне там – люди умные, всё понимают. Особенно сам игумен. В миру был, между прочим, кандидатом биологических наук. Связываться с тобой не буду, ты уж, отец, не обижайся. Ты ни в чем не виноват и себя не казни. Просто так лучше. Если что со мной случится, тебе сообщат. А пока ничего не сообщают – значит, я жив, а может, даже и здоров более или менее. Захочешь – переведешь разок-другой пожертвования на монастырь, но только умеренные. Ну, сто-двести тысяч рублей, ни в коем случае не более. И обязательно анонимно. Будь здоров, отец. Может, была бы мама жива, я бы не смог так расстаться с вами. Хотя кто знает, пути Господни неисповедимы. А ты выдержишь. Ты сильный. И главное – не задумывайся...»

Как, однако, близость смерти фильтрует мысли и чувства, подумал Петр Григорьевич. Ни тебе волнений, что будет с кредитами, ни споров с замом Юрием Степановичем, который всё зудит, что не следует отказываться от отличного предложения их партнера Фэна продать ему весь бизнес, ни попыток уговорить вместе с Вундеркиндом двух его товарищей по Физтеху пойти работать к ним. И уж, конечно, меньше всего гложут его переживания о Гале, его дражайшей половине. Четыре года они уже вместе, точнее, под одной крышей, и не стала она ему

ближе ни на сантиметр. Поражительная женщина. И красива, тут уж не поспоришь, и элегантна, и выглядит куда моложе своих тридцати пяти, и далеко не дура. Умеет себя вести. Буквально ни одного фо па. Никогда не догадаешься, что эта неприступная секретарша в строгом черном костюме и белой кофточке, которую он встретил в одном офисе пять лет назад, с трудом кончила десять классов в своем Рыбинске, прежде чем отправиться на завоевание столицы. Талант, одно слово – талант. Рыбинская Сара Бернар. И обточила она этот талант на славу – сколько, поди, у нее здесь было точильщиков... И в скольких кроватях перебивала... В дела его не то что не лезет, даже не интересуется, чем он занимается. Не зря в офисе все считают, докладывая ему Костя, что он жену в черном теле держит, взаперти, можно сказать. А уж по части ведения хозяйства – тут бы ни один суд присяжных в мире не придрался. Еда всегда приготовлена, рубашки выглажены и даже галстук к костюму подобран, костюмы вычищены. Всё в доме на месте. Претензий никаких не предъявляет, голос не повышает, никогда ни в чем не попрекнула. Денег не просит. И в сексе была и в меру изобретательна и страстна и – главное – нисколько не требовательна. Что даже и до болезни было удобно. И потому, что секс-гигантом, если честно, он никогда не был, и годы, как ни крути, не самые юные и не самые пылкие, и после тяжелого дня приходишь домой весь вымочаленный и изжеванный. Не то, конечно, чтобы стонать, как в известном анекдоте, ах какой большой, но всем своим видом выражала Галя полное удовлетворение редковатыми и скуповатыми ласками мужа. И хотя в самой глубине души Петр Григорьевич и догадывался порой, что живет он с некоей великой актрисой, которая лишь играет роль любящей и образцовой жены, и играет, надо было признать, великолепно, но думать так было как-то зябко и неуютно, и он привычно соскальзывал в накатанную колею нормальной семейной жизни. Лишь несколько раз, когда Галя не видела, что он смотрит на нее, угадывал он в ее взгляде какое-то пугающее равнодушие, а если быть честным с собой – и даже презрение к нему. Вот и сегодня днем, когда она навещала его, она не видела, что ее лицо отражается в зеркале на стене. А он это отражение видел, и вдруг пахнуло на него из ее серых прекрасных глаз чем-то новым. И было это новое, решил Петр Григорьевич, ничто иное, как нетерпение. Нетерпение от чего – он еще не знал. То ли ей просто надоело сидеть в палате и поправлять подушки под головой мужа, то ли нетерпение было куда более зловещим – нетерпение ожидания его ухода. Из жизни. А что, остаться с огромной хорошо обставленной пятикомнатной квартирой в центре Москвы – миллионов под пять зеленых даже при кризисе наверняка потянет – плохо, что ли? Не зря, оказывается, старалась. Тут уж не до слез, радостный смех сдержать бы как-нибудь... В этот момент Петр Григорьевич окончательно решил, что кроме квартиры ничего Гале не оставит. Хватит с нее и того. Может быть – он еще раз привычно проверил себя, он всегда старался всё досконально проверить, прежде чем принять окончательное решение – может быть, он просто завидует этой всегда загорелой красивой женщине? Благо, фитнес-центр с его солярием в двух шагах от их дома, ее молодости или просто тому, что поджелудочная железа у нее, в отличие от его, надо думать, хоть на выставку? Да нет. Достаточно было представить себе на ее месте Таню. Вот уж кто бы наревелся, вот уж кого силком нельзя было бы вытолкнуть из палаты, вот уж кто бы никак не захотел смириться с приговором. Петенька, купчик мой любимый... Почему-то очень забавным казалось ей слово «купец», особенно в применении к мужу. А сама ушла первой. Сбил ее на переходе джип с пьяным водителем за рулем, будь прокляты все джипы на свете и все пьяные водители.

Дверь в палату приоткрылась, и вошла Даша. Прежде чем Петр Григорьевич увидел ее лицо, он уже почувствовал, что что-то было не так. Вместо обычного «как мы себя сегодня чувствуем, Петр Григорьевич?» и какой-то круглой, как всё ее личико, совсем детской улыбки, Даша молча поставила на стол подносик с лекарствами и подняла шприц. Глаза у нее были заплаканы, и слезы размазали тушь, от чего глаза стали странными и вовсе не Дашиными, а щеки шли красными пятнами.

– Что-нибудь случилось, Дашенька? – спросил Петр Григорьевич и почему-то отметил мысленно, что сестра так и не выпустила контрольную струйку из шприца. На мгновение она замерла, затем крикнула «Нет, не могу!», бросила шприц, повернулась и выскочила из палаты. Бедная девочка, подумал Петр Григорьевич, и истерика какая-то совсем детская. Что-нибудь, наверное, сказала ей дежурная сестра, сейчас вернется. Когда выпишется, обязательно надо купить и прислать ей какие-нибудь хорошие духи. Как называются те, которыми пользуется Галя? Ага, кажется, «Хлоэ». От этой мысли на душе у него немножко потеплело, и он ясно представил себе, с каким любопытством начнет она раскрывать красивую коробку. Он потянулся и посмотрел на часы. Уже половина одиннадцатого. Привычная боль в животе куда-то спряталась, испугалась, наверное, шприца. Петр Григорьевич слегка улыбнулся в первый, похоже, раз за последние дни и на мгновение ему даже почудилось, что весь этот кошмар последних дней к нему вовсе не относится. Он еще раз посмотрел на часы. Прошло уже десять минут, а Даши всё не было. Он потянулся к красной кнопке вызова дежурной сестры и нажал ее. Почти тут же в палату вплыла торжественнонакрахмаленная дежурная сестра Серафима Ивановна.

– Что-нибудь случилось, Петр Григорьевич?

– Да вот Дашу жду.

– Как ждете? Она же пошла к вам минут десять назад.

– Да, она зашла, но уколы не сделала, чем-то, похоже, была взволнована, крикнула «Нет, не могу!» и тут же выскочила из палаты.

– Что не могу? – подозрительно посмотрела на него Серафима Ивановна.

– Если б я знал...

– И уколы она не сделала?

– Нет.

– Странно... Вот подносик, ампул с лекарствами на нем нет, шприц на полу валяется. Пойду ее поищу, где-нибудь плачет, наверное, дурочка...

– Мне тоже показалось, что лицо у нее было заплаканное...

Серафима Ивановна быстро юркнула из палаты, сразу потеряв и свою торжественность и накрахмаленность. Где-то в голове у Петра Григорьевича тоненько, но настойчиво тренькнул звоночек тревоги. Что-то было не так. Он опустил ноги, сразу попав в домашние шлепанцы, накинул на пижаму тяжелый махровый больничный халат и вышел в коридор. Мимо мелкой трусцой пробежал дежурный врач. Вид у него был заспанный. Может, оторвали его от какого-нибудь порносайта на компьютере. Навстречу ему двигалась уже совсем растрепанная Серафима Ивановна.

– Данилыч говорит, – услышал Петр Григорьевич ее голос, – что Даша выскочила прямо под дождь. Она держала в руках мобильный. Данилыч сказал ей, что дождь прямо как из ведра, но она и головы не повернула и зонтик не взяла.

– Какой зонтик? – оторопело спросил дежурный врач.

– Так Данилыч предложил ей. Я ж говорю...

Они скрылись в комнате дежурной сестры, и Петр Григорьевич медленно вернулся к себе в палату. Сигнал тревоги в его голове продолжал звенеть. Всё это всё меньше и меньше нравилось ему: и то, что чего-то Даша так испугалась, и то, что вылетела из здания под дождь как оглашенная, и то, что ампул с его баралгином и реланиумом на подносике не было, а был лишь пустой шприц.

Он взял мобильный и набрал Костин номер.

– Добрый вечер, шеф, – послышался его голос, – как у вас дела?

– Дела, Костя, если честно, не очень хороши, но я звоню не для того, чтобы поплакаться тебе в жилетку, которой у тебя, наверное, вообще нет и никогда не было. А потому что, похоже,

кто-то не хотел, чтобы мне сделали нужный укол. Скорее, кто-то, наверное, хотел, чтобы мне сделали совсем не тот укол, что надо.

– Еду, шеф, буду минут через пятнадцать, пробок сейчас быть не должно. Никого к себе не пускайте.

– Может, подождем до утра, а, Костя?

– Простите, шеф, я уже спускаюсь к машине.

* * *

То ли от делового Костиного голоса, то ли от молодой его энергии, то ли от привязанности его к нему, в которой он уже давно не сомневался, то ли от любимого Костиного обращения «шеф» стало на душе у Петра Григорьевича чуть спокойнее.

В девяносто восьмом Костя вдруг позвонил ему и спросил, помнит ли он его еще. Конечно, ответил Петр Григорьевич, ты ж, можно сказать, вырос вместе с моим Сашкой, друзья с первого класса.

– Мне очень нужна ваша помощь. Хотя...

– Никаких «хотя». По телефону можешь сказать?

– Лучше бы лично, Петр Григорьевич.

– Хорошо. Не буду тебе долго рассказывать, как найти мой офис, лучше подъезжай минут через тридцать-сорок на Пушкинскую площадь к памятнику Пушкину – мое любимое место. У меня как раз окно неожиданно образовалось. Годится?

– Вполне.

Через полчаса Петр Григорьевич уже сидел на скамеечке, глядел на поэта и читал строчки, высеченные на постаменте, которые так и остались в памяти со школы: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...»

Костю он даже сразу и не узнал – не видел его лет, наверное, пятнадцать, если не двадцать. Вырос, раздался в плечах, заматерел. Петр Григорьевич обнял его, похлопал легонько по спине, усадил рядом с собой.

– Рассказывай.

– Я, Петр Григорьевич, после школы попал в армию и прямиком в Чечню. Господь миловал, остался цел и невредим. И даже орденом наградили. А когда демобилизовался, поступил в Школу милиции. Кончил с отличием, и направили меня в один ОВД, не буду пока загружать вас деталями. Встретили неплохо. Атмосфера – что-то среднее между автосалоном и сберкассой.

– Не понимаю.

– Ну, автосалон – это потому что кто на собственном БМВ подкатывает, кто на «мицубиси паджеро», кто на «мерседесе» изволит прибыть, только что «феррари» ни одного не было. А сберкасса – все менты только тем и заняты, что деньги слюнявят, вчерашний приход подсчитывают. Ну, я не тороплюсь, приглядываюсь. Потом призвал меня к себе один старлей, такой, знаете, кисло-сладкий.

– То есть?

– Ну, глаза вроде улыбочивые, морщинки вокруг них, как у доброго дедушки, но в самих глазах такая, знаете, желтизна волчья. – Ты, – говорит, – лейтенант, ведешь себя нескромно.

– Это как же? – удивился я. Скромнее уж, кажется, невозможно было.

– Выделяешься ты, лейтенант, выступаешься, а это есть нехорошо.

– Как? Чем? – Я даже разволновался – так это всё звучало неожиданно.

– Чем? Ты как на работу приезжаешь?

– На метро.

– То-то и оно. Понял? Все на машинах, а он, видите, белый и пушистый, на метро. Бедный, но честный. Такой, пусть все видят, бессребреник. Тем и выделяешься. Вернее даже,

выставляешься. Я бы промолчал, конечно. У нас ведь не детский сад. Но ты парень вроде симпатичный, Чечню прошел. Поэтому-то хочется тебе помочь. Я тебе скромненькую «Ауди 80» присмотрел. Красненькая такая, аккуратненькая. Надо только шильдик перебить, импортный сделаем, в Польше этим целый заводик, говорят, занимается, а документы новые тебе один мой знакомый умелец в момент сварганит. И отдадут, как ты понимаешь, за треть цены. А поторговаться – и за четверть.

– Так она ж, выходит...

– Выходит, лейтенант, выходит. Ты только не думай, что немцы все такие уж законопослушные ангелы. Договариваются с нашими, что день-два о пропаже своей машины в полицию не сообщат, пока наши умельцы уже не окажутся на ней в Польше, а то и в Белоруссии. И получают за машину и от наших, данке шон, и от страховщиков, тоже данке шон. Сечешь, лейтенант?

– А у меня и на левую «ауди» денег нет.

– Одолжим, лейтенантик. Ты их на крыше быстро возвратишь.

– Как это, на крыше?

– Ты, конечно, не Карлсон, на крыше жить не будешь, но крышевать, братец кролик, надо учиться. Рынок у нас тут большой, и в основном крытый. Вот и урвешь себе кусочек крыши. Может, ты не слышал, так я тебе, несмышленишу, напомним, что у нас теперь рыночная экономика. Вот и дуй на рынок, присматривайся. Чужого не трогай, а свое найди. Приглядишься, приходи, расскажешь всё. Прикинем, что тебе больше подходит. Понял, начинающий рыночник?

– Я даже не знаю...

– А тут и знать нечего. – И посмотрел на меня старлей так, что я, Петр Григорьевич, сразу всё понял. Стань на его пути, прирежет, не задумываясь, куда там бородатому боевику-ваххабиту. Тот хоть во имя Аллаха старается, а этот лишь свою корысть охраняет. Нож по рукоятку всадит и не извинится.

Ну, какое-то время я еще протянул, хотя так красненькую «ауди» и не взял, а потом еще один эпизодик случился, который уж всё окончательно на свои места расставил. Пришла как-то в отделение девица одна, за монашку как ни старайся уж никак не примешь. Было ей на вид лет шестнадцать, если не пятнадцать, но впечатление такое, что своим древним ремеслом она с пеленок занимается.

Старлей, мой наставник, подмигнул мне и говорит: «Беги, лейтенант, занимай очередь и спускай штаны. Специалистка по минуте экстра класса. Хоть на всегородской конкурс ее посылай».

– Не понимаю, Иван Харитонович, – говорю я ему.

– А чего тут понимать? Думаешь, мы ее силком затащили? Силком может и откусить с перепугу. Нет. Мы и ее крышуем, ей, понимаешь, тоже ведь защита нужна. И от конкуренток и от иных клиентов. А расплачивается она с нами уже натурой. Выгодно всем. Ты не думай, она чистенькая... Рыночные отношения, братец кролик. Чего смотришь, беги...

А сам так и буравит меня взглядом. И морщинки добрые вокруг глаз куда-то разом исчезли, будто косметическую подтяжку только что сделал.

– Не могу, Иван Харитонович, как-то это всё не по-людски... Как-то...

– Можешь не объяснять, я тебя, лейтенант, давно раскусил. Не по-людски... Хорошо, лейтенант, ты сформулировал. Презираешь ты нас, ментуру продажную. Только я тебе вот что скажу: так просто ты от нас не уйдешь. Опасный ты человек. Очень даже опасный. Хуже любого бандюги.

– Да что вы говорите, товарищ старший лейтенант, как я...

– Хуже, лейтенант, хуже. С бандитом всегда договориться можно, потому что и он человек, и он свою выгоду понимает, и ему на зону лишний раз неохота. А ты человек, извиняюсь,

нравственный, принципиальный. А такие как раз и есть самые опасные. Начнешь в поисках правды стучать налево и направо, жалобы строчить, а нам это, как ты понимаешь, са-а-всем ни к чему.

– Что вы хотите сказать, Иван Харитонович? – спросил я, а сам чувствую, что погружаюсь в трясину – дернешься – еще глубже увязнешь. И противно, и страшно. И, похоже, не зря я испугался. Потому что я уже понял, что мне дельце одно начинают шить – вымогательство. Азербайджанец один на рынке – он ко мне хорошо относился – по секрету намекнул. Садиться мне лет на пять, чтобы эта волчья стая в отделении спокойно и без свидетелей наживалась и малолеток хором трахала, почему-то не хотелось. А придется, похоже. Вы уж простите, Петр Григорьевич, я вас просто от отчаяния побеспокоил, голову себе сломал, всё думал, как выско- чить из этой ситуации. Хоть в бега пускайся...

– Прощать тебя, Костя, не за что. Разве за то, что ты не ворюга и не взяточник. Хотя уже это одно делает тебя для многих человеком опасным. И старлея твоего со товарищи понять тоже можно. Его прежняя советская система к нынешним соблазнам не подготовила. Ни морально, ни материально. А насчет волчьих глаз твоего наставника, так советский лозунг «человек человеку брат» не совсем точен был. Правильнее было бы «человек человеку волк». Только в отличие от настоящих хищников мы поковарнее были, умели прикидываться овеч- ками, в нужных местах аплодировали, хором кричали «ура!» и бежали домой побыстрее донос на ближнего своего состряпать. На нас призывы ЦК КПСС к праздникам объединяться, улуч- шать и поднимать действовали мало. Даже если бы вдруг напечатали в «Правде» призыв воз- любить ближнего своего как самого себя или даже больше, мы бы всё равно прекрасно знали, что ближнего остерегаться надо и пальца ему в рот не класть. Научила нас жизнь понимать, что к чему не через лозунги и призывы. Скорее, наоборот. Но не будем углубляться в филосо- фию. – Петр Григорьевич внимательно посмотрел на Костю. – Думаю, что смогу тебе помочь. Есть у меня знакомый человечек в Московском УВД. Кое-чем он мне обязан. Сегодня-завтра поговорю с ним. Ты мне другое скажи. Ну, уйдешь ты благополучно из системы МВД, что делать будешь?

– Даже и не думал пока.

– Хочешь в мою фирму?

– Да о чем вы говорите, хоть сторожем, хоть посыльным, хоть уборщиком. Каждый день молиться за вас стану.

– Будешь главой нашей службы безопасности. Она пока не слишком велика – один чело- век. Вот ты им и будешь. Машину водишь?

– Конечно.

– Что-нибудь в электронике понимаешь?

– Боюсь, что...

– Научим. Английский знаешь?

– В пределах дис ис э тейбл.

– С первого дня начнешь заниматься с преподавателем. Зубрить будешь по три часа еже- дневно. Как зверь. Мне приходится часто ездить по делам за границу, будешь ездить со мной. Оплачивать уроки будет фирма.

– Петр Григорьевич, да я...

– Давай сразу договоримся – в пояс не кланяться, шапку не ломать. Я этого как-то не люблю. Ты женат?

– Нет, но...

– Но, как я догадываюсь, означает, что есть у тебя кто-то на примете. Контролировать твою личную жизнь я не собираюсь, но советую не торопиться. Да, кстати, раз ты служба без- опасности, может, тебе какое-нибудь там самбо освоить?

– Я еще до армии занимался дзюдо. Черных там поясов каких-нибудь у меня нет, но кое-что умею.

– Хорошо. Живешь где?

– С родителями. Отец недавно демобилизовался из армии, вернее, его демобилизовали, знаете как теперь с этим... Подполковник запаса. Устроился на стройку нормировщиком. А мать уже на пенсии, чувствует себя неважно.

– Всё, Костя, оставь мне свои позывные, я тебе на днях позвоню.

* * *

Разговор с милицейским генерал-майором оказался даже проще, чем Петр Григорьевич представлял себе. Они сидели в тихом прохладном ресторанчике на самой окраине Москвы – его знакомый по вполне понятным причинам предпочитал места, где было меньше шансов увидеть его за одним столиком с бизнесменом, – и генерал, выслушав просьбу Петра Григорьевича, добродушно усмехнулся.

– Ну, это дело вполне поправимое. Отпустить – не назначить. Никого расталкивать, чтобы освободить местечко, не надо. Что именно там ваш подопечный натворил – не спрашиваю.

– Да ровным счетом ничего. Просто после армии и после Школы милиции не вписался, так сказать, в стиль органов.

– Ну, не будем обобщать, Петр Григорьевич. Знаете, какая наша главная беда?

– Чего-чего, а бед у нас хватает.

– Это верно. Я о том, что не умеем мы здраво на вещи смотреть. То всё розовыми красками рисовали и сусальным золотом крыли, то одним черным всё подряд мажем. Сплошной Черный квадрат, так, кажется, эта картина называется. Так что оставим это нашим записным либералам. Они, болезные, без черных очков и видеть ничего не могут. А у нас ведь в милиции всякие работают. И кто под бандитские пули попадает, и на Северный Кавказ в командировки едут не для того, чтобы на горных лыжах кататься. Сколько ребят там уже полегло, а никто от этих командировок не отказывается. А что, у вас в бизнесе только те, что с белыми крылышками за спиной? Хлоп-хлоп. С кем бы поделиться только и думают. Может, вам нужно, берите. А? То-то же... Давайте данные вашего парня и считайте вопрос решенным.

– Спасибо, товарищ генерал. Может, по капле коньяка?

– Ну, разве что по капле... А то я сегодня совещание провожу, и запах коньяка от меня очень украсил бы те доносы, которые на меня пишут, можно сказать, почти ежедневно и без усталости.

* * *

Удивительно, думал Петр Григорьевич, лежа в своей больничной палате, как четко он помнит начало работы у него Кости. И спасибо тому бандитскому старлею, из-за которого оказался у него такой... Сотрудник? Помощник? Побольше, пожалуй. Почти сын. И чувство такта у него необыкновенное. Ни разу не позволил себе заговорить о Саше, чувствовал, наверное, что это рана незаживающая, что это – табу. И дистанцию сохранял, чтобы не показалось, будто покушается он на место сына.

В дверь постучали, и вошел Костя.

– Добрый вечер, шеф, – улыбнулся он. – Похоже, вы не ошиблись. Там внизу два опера вахтера допрашивают.

– А что случилось?

– Эту сестру вашу нашли недалеко от больницы. Сбита машиной. Насмерть.

– А как...

– Ну, во-первых, она в больничном комбинезоне или как там он у них называется. А во-вторых, у нее на груди табличка с именем. Так что догадаться, где она работает, труда особого не составляло.

– Господи, – вздохнул Петр Григорьевич, – полчаса назад она сюда входила...

* * *

2

– Садись в кресло, Костя. И слушай. Как ты думаешь, что у меня?

– В каком смысле?

– Ну, по какому поводу я здесь валяюсь.

– Не знаю, Петр Григорьевич, мало ли что у человека может быть...

– Мало, Костя, не покажется: рак у меня. И рак тяжелый. И нет, чтобы явиться при полном параде, чтобы дворецкий объявил торжественно: его онкологическое высочество господин рак изволили прибыть. Прощмыгнул тихонечко сексотом и начал свое черное дело. А теперь уже и приговор вынесен, и обжалованию он не подлежит. Доктор говорит, осталось мне дней пребывания на этом свете не так много, меньше года.

Костя как-то сразу осел, широченные его плечи опустились, и глаза начали набухать слезами.

– Да как же так, Петр Григорьевич, – взмолился он, – как же так... Да вы... Да не может того быть... Как же так...

– Да вот так. И ничего тут не поделаешь, старухе с косой взятку не подсунешь, и протекцию никто тебе не составит. Это американцы когда-то называли кольт великим уравниателем. Мол, с его помощью любой ближнего своего всегда уколошить может. Настоящий-то уравниатель – это не кольт. Это, Костя, смерть. Уж с ней-то никому еще договориться не удавалось. Менталитет, наверное, у нее другой, не то что у наших чиновничков... Теперь слушай меня внимательно. О себе и своем будущем не думай. Даже если компания ликвидируется или попадет в чужие руки, которым ты нужен не будешь, ты не пропадешь. Я включу тебя в завещание, и ты после моей смерти получишь изрядную сумму, которой, думаю, хватит на то, чтобы открыть свое собственное охранное агентство или что ты там еще надумаешь.

– Да что такое говорите, шеф, я этого и слушать не хочу.

– Хочешь не хочешь, а придется. Мне тоже много чего не хотелось бы. Мне ты эти все оставшиеся месяцы будешь нужнее, чем когда-либо. За компанию нашу уже давно подковерная борьба идет. Ты ведь Фэна знаешь?

– Фэн Юйсяна? Конечно. Он ведь ваш крупный акционер.

– Именно. У него не только восемнадцать процентов акций, он довольно богатый человек. Сам ли он нашим бизнесом интересуется или за ним какие-то другие интересы, китайские или какие-нибудь еще, в данном случае не так важно. Он еще год назад сделал мне предложение купить всю нашу компанию «РуссИТ» за восемнадцать миллионов долларов...

– Ничего себе...

– Не так, кстати, Костя, много. Я продавать компанию не собираюсь. А остальные акционеры, главным образом, мой зам Юрий Степанович, во сне видят, как бы куш ухватить побольше и слинять куда-нибудь побыстрее и подальше.

Китайцы, Костя, в отличие от нас народ издревле торговый и считать умеют. Впрочем, и работать тоже. Китайцы, как ты знаешь, давно уже с головой нырнули в информационные технологии. Какой компьютер или ноутбук ни возьмешь, будь то «Хьюлетт-Паккард» или «Делл», или «Компак», да любой, практически, глянь, а на нем табличка «мейд ин Чайна». В основном всё это продукция лицензионная, включая и периферию, всякие там мыши, клавиатуры и тому подобное. А хочется и свои разработки иметь. Я внятно говорю?

– Всё понятно, Петр Григорьевич.

– Ты нашего Вундеркинда встречал?

– Яшу Свирского? Конечно.

– Не знаю, гений ли он или просто талант – не знаю. Знаю лишь, что он еще до окончания своего Физтеха сделал замечательную разработку. Причем хватило у него ума, а может, глупо-

сти, кто знает, в Силиконовую долину в США, куда его сманивали, обещая царские заработки, не податься, а остаться на нашей благословенной родине. Конкретнее, у меня. И я это ценю.

Я, Костя, по образованию заурядный инженер-технолог, по воспитанию – заурядный совок. Просто вырвала меня, как, впрочем, и миллионы других, из привычной колеи Горбачевская перестройка, а затем и крах всего, на чем держалась наша благословенная держава. И пошел я, не совсем уже молодой инженер, с тремя такими же гавриками как я на так называемую укрепку. То есть ходили мы по домам и укрепляли хлипкие двери совковых домов, потому что их и здоровый ребенок мог запросто плечом вышибить, не говоря уже о профессионалах. Обшивали торцы дверей металлическими полосками, вставляли в них металлические штыри, которые входили в пазы. Мы их в дверных проемах высверливали. Что-то зарабатывали, хотя смотрели на нас, как смотрят у нас на сантехников, сам представляешь. А то и просто гнали. Мне потом эти тяжеленные дрели-перфораторы, которыми мы пользовались, долго по ночам снились. Только заснешь, а она в голове бу-бу-бу. И в носу явственно так запах пыли и известки.

Потом подался в челноки. Россия – Турция – Россия. Три часа лета до Стамбула, аэропорт Ататюрка, виза на месте. Двадцать пять километров – и ты в царстве невиданного страной победившего, прошу прощения, проигравшего социализма, барахла. И набивай свои матерчатые тюки сколько влезет и сколько у тебя оборотного капитала имеется. За несколько месяцев челночного нашествия русский в Стамбуле уже понимали лучше, чем английский. Местные лалельцы – это жители торгового района Лалели – к нам обращались «коллеги». А к оптовикам покрупнее – «брат». Торговое, так сказать, братство. А поближе к морю, где яростно выторговывали каждую копейку рядовые, так сказать, челноки, – и вовсе «братан».

Набитые ширпотребовским барахлом тюки мы перебинтовывали скотчем, чтоб не лопнули, и нагружались ими так, что и крепкий осел не выдержал бы. Но человек – не осел – всё вынесет. Я в те годы, Костя, ослам очень даже завидовал. Ослу что? Что навьючили на него, то и понес. Тяжело, конечно, зато голова ослиная свободна. Гонят тебя из пункта А в пункт Б. Только ноги переставляй. И все дела. Думай хоть об ослиной доле, хоть о еде, хоть об ослице какой-нибудь. А ты мало того, что семью потоми обольешься, пока допрешь свой груз из Стамбула в Москву, так еще и продать его надо с выгодой, когда народишко наш только на то заточен, чтобы отнять твой товар или хотя бы на худой конец надуть клиента. Наши далекие предки еще грамоте не знали, зато твердо усвоили: не обманешь – не продашь. Так что многие тогда вспоминали стародавнюю присказку: торговали – веселились, подсчитали – прослезились.

Ты, Костя, прости за длинные рассказы. Никогда я никому этого не рассказывал, а перед уходом надо ж кому-нибудь жизнь свою рассказать... Не то чтоб была она так уж интересна или нравоучительна, по тем временам вполне заурядная жизнь, и отличало ее от других только одно. Что была она моя, а не чужая.

А дальше мне крупно повезло. То есть вначале это было не везение, а постоянный страх. Страх, что вот сейчас дверь моей двушки откроется, и пара бородачей скомандуют: давай деньги. Тане своей ни слова не говорил, этого еще ей не хватало...

Вкратце, дело было так: у меня в одном банке, теперь он уже давно, как писали когда-то, «почил в бозе», был хороший знакомец. Из нашей школы. И предложил он мне как-то хоть и небольшой, но легонький и быстрый заработок. Приедут двое джигитов с Кавказа, сказал он, которым нужно перевести за границу целую кипу деньжищ – десять миллионов баксов. Откуда они, как, что – не знаю. Мне, говорит, этим интересоваться было ни к чему. Меньше знаешь – лучше спишь. Хватало того, что брался он это дельце быстро провернуть за десять процентов суммы. Пока он всё подготовит, сказал мой знакомый, им надо будет где-то пожить, но не в гостинице, где их могли найти те, кто, надо думать, на эти десять миллионов баксов имел совсем другие виды.

В те времена, Костя, этот бизнес у нас всюду процветал. Что-нибудь где-нибудь украсть, быстренько обналичить и куда-нибудь за границу в надежные оффшоры припрятать. Возьми, например, Кипр. Маленький бедный каменистый островок, да еще разорванный турецким вторжением пополам между греческой и турецкой общинами. Море и маслины, больше практически ничего. Зато с оффшорами. И в девяностых он словно на дрожжах вдруг расцвел: отели повсюду начали строить, виллы, банки, рестораны. Да что там строить. Этот островок вдруг стал инвестором номер один в российскую экономику, представляешь себе? А что удивляться – места для оффшорных богачей знакомые. Конечно, все эти сотни миллионов, а то и миллиарды долларов в кипрских оффшорах родом были из России. Но были они теперь уже не просто воровской добычей наших родных казнокрадов, жуликов и бандитов, а превратились в почтенные компании и фонды всяких там Никосов Папантониу или Саввасов Дмитриади, эдаких виртуальных порождений бухгалтерской фантазии. А уж эти инвестиции были священные. Тут уж не поинтересуешься, откуда такие бабки. Все честь по чести, пришли из-за границы...

Приехали, значит, ко мне вскоре два таких крутых молчаливых джигита, договорились заплатить за постой и за целость их багажа тысячу зеленых, оставили чемодан и куда-то ушли. Ночевать не пришли, на второй день тоже. И на третий не появились. Через неделю я почувствовал, что что-то тут не так и позвонил в банк. А мне говорят таким постным голосом: Поливанов – это была фамилия моего банковского знакомого – у нас больше не работает. А где его можно найти, спрашиваю. Отвечают: боимся, что нигде вы его не найдете, убили его. И бросили трубку. Чувствую, лучше не спрашивать. Дело было по тем временам вполне заурядное. Как говорил покойный, меньше знаешь – лучше спишь. Хотя спал он теперь так, что и не разбудишь никогда. Через месяц я понял, что и джигиты мои, скорее всего, тоже уже давно кальян покуривают в райских куцах и на гурий любуются. О десяти миллионах баксов по рассеянности не забывают. Тогда ведь в начале девяностых человека убить было дешевле, чем костюм Армани купить в бутике в гостинице «Рэдиссон-Славянская».

Целый месяц мне снилось, как моих джигитов утюжком раскаленным по пузу гладят, чтобы они вспомнили, где деньги спрятали. И как приходят ко мне – уж кого кого, а лишнего свидетеля им никак не нужно было. Таня моя всё беспокоилась, что я во сне вскрикиваю. Тут не то что вскрикивать начнешь, волком серым завоюешь от ужаса или в лучшем случае лунатиком станешь.

То ли промолчали горцы, то ли просто поторопились их прихлопнуть, но так никто ко мне и не пришел, хотя я каждый день с жизнью прощался. Через месяц решился. Дождался, пока Танюшка ушла на работу, и трясущимися руками открыл чемодан, дешевенький такой, потертый, обмотанный веревкой, фибра трехкопеечная – до этой минуты, веришь, к нему даже не прикасался. Просто закинул его на антресоли. А в нем два коврика для намаза, трусы, майки и два здоровенных кейса. В каждом по пять миллионов. Пять миллионов – это, Костя, пять сотен таких плотненьких американских кирпичиков, с которых смотрит на тебя то ли равнодушно, то ли даже слегка насмешливо мистер Франклин. Всем кишлаком, наверное, крышку коленями прижимали, чтобы закрыть кейс – так они набиты были.

Потом стал я бояться, что доллары поддельные – этот ведь промысел на Кавказе тоже очень уважают. Взял одного Франклина, то есть сотенную, нашел обменник на всякий случай подальше от дома и с бьющимся сердцем и на ватных ногах просунул ее в окошко. Сейчас, трясусь, мне ее обратно вместе с паспортом вышвырнут. А то и задержат. Обошлось...

Первое, что купил, – эту шубку Танюшке своей. Сказочной красоты коричневая каракульча. А уж сколько за нее заплатил – и сегодня вспомнить страшно, даже оторопь берет. Увидела она ее – и в смех и в слезы одновременно. Да ты не купец, Петюня, ты, видно, с кистенем на большой дороге орудуешь. Признавайся, скольких за шубку порешил? Для нее шутки, а я-то знал, что уж три жизни как минимум мой новый капитал стоил.

Через полгода купил я пять бензоколонок, но быстро понял, что попал не в свою весовую категорию. Этим делом народ посolidнее занимался. Это тебе не двери сверлить или турецкое барахло в тюках на себе переть. Пока думал, как мне ноги живым унести, два раза чуть-чуть меня не подстрелили. Один раз просто не попали – на ходу по машине стреляли, а хорошие киллеры тогда на вес золота были, не хватало их, а второй, когда около дома по незнакомой запаркованной машине с темными стеклами каким-то верхним чутьем почувствовал, догадался, что, похоже, поджидали меня в подъезде. Я через другой подъезд прокрался – всё ж таки вырос в этом домишке, каждый кирпич здесь в лицо знал, – чердаком прошел к своей лестнице, тихонько спустился, помню, не дышал даже от сосредоточенности, заметил стрелка и первый – чего уж теперь скрывать – со второго этажа его продырявил. Был у меня тогда такой увесистый немецкий «глок» с глушителем и лазерным прицелом – такая симпатичная оранжевая точка в мишень упиралась – не промахнешься... Что, помню, меня потом уже больше всего поразило – это то, что действовал я быстро и хладнокровно. Хотя и проигрывал мысленно подобные ситуации не раз, всё равно, казалось, должен был я трястись от ужаса. Что ни говори, моя жизнь на кону стояла, и человека ведь убил. Ан нет. Должно быть, давно уже я вписался в систему, где убийство было сведено к обычной человеческой деятельности. Как, наверное, и было всегда в жестокой истории гомо сапиенс, которая и впрямь была жестокой в лихие девяностые годы.

А дальше всё было уже просто. Быстренько поднялся обратно на чердак, спрятал на всякий случай пистолет в тайничок, который у меня давно там был присмотрен, спустился через другой подъезд, вернулся к машине, которую на всякий случай оставлял в разных местах, только не у дома, потому что по машине человека найти куда проще, чем по физиономии, и поехал в ночной клуб, где бывал не раз. А уж оттуда позвонил Танюшке. Приезжай, говорю, в клуб, я дельце одно провернул сегодня удачное, надо обмыть. Наверное, что-то она почувствовала, потому что спрашивать ни о чем не стала и тут же примчалась в клуб. Вся встрепанная, только что, видно было, из халата вылезла. А глаза испуганные.

– Что случилось, Петенька?

– Ты, когда выходила, ничего не заметила?

– Да н-нет, вроде. А что я должна была заметить?

– Да ничего особенного. О трупик на лестнице не споткнулась случайно? Да не трясись ты так, не о моем же речь.

– Петенька... – говорит, а у самой губы трясутся, – Петенька...

– Не споткнулась – и слава богу. И скорой во дворе не было?

– Н-н-нет...

– И милиции?

– Не было.

– Тогда давай выпьем, любовь моя, за спокойствие наших границ. Помнишь, как пели когда-то? Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... что-то там еще, а потом: и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ. Ну а то, что за спокойствие иногда надо платить – это первый закон природы. Бесплатного сыра, Танюшка, как выяснила наука, не бывает.

– А труп...

– Видно, забрали его подельники. На всякий случай.

– А он, Петенька, он... он что...

– Да ничего, просто хотел, чтоб об мой труп споткнулись. Работа у него такая. Я бы в киллеры пошел, пусть меня научат.

* * *

А уж когда «мерседес» мой взорвали вместе с водителем – хороший был парень Гена – я из нефтяного бизнеса как ошпаренный выскочил. Продал свои колонки первому же покупателю. Почти, кстати, ничего и не потерял. Основал компанию, которая занималась импортом компьютеров. Тогда, в первой половине девяностых, компьютеры были на вес золота. Крали их из офисов и складов беспощадно. Вообще по тому, что в основном воруют, можно судить об эпохе куда точнее, чем по томам исторических исследований. Был бы я историком, диссертацию защитил на эту тему. И назвал бы красиво, что-нибудь вроде «К вопросу о краденном как показателе спроса и предложения эпохи». В двадцатых, говорят, больше всего воровали галоши, хотя тинэйджеры сегодня могут вообще и не знать, что это такое. В тридцатых – кальсоны с бельевых веревок, на которых они сушились, тащили. И они были ценностью. Ну и так далее. Сначала ввозили мы компьютеры целиком, потом – детали, из которых сами собирали их. В этом деле уже давно международная специализация сложилась. Жесткие диски, например, ввозили из Тайваня, в производстве процессоров царствовали США, периферию сразу захватили китайцы и так далее.

Сборка компьютеров, Костя, дело, между прочим, не такое уж трудное. Как детский конструктор, только чуть посложнее. А в последние несколько лет при своем заводике мы и лабораторию открыли.

А там вскоре порекомендовали мне одного парня, кончавшего тогда Физтех. Пришел такой тощенький рыжеватый мальчишка, волосенки в разные стороны торчат, и так скромненько сказал мне, что сконструировал флэшку нового образца, которая может полностью заменить винчестер. Я, если честно, понимал тогда в этом примерно столько же, сколько ты сейчас. Как-нибудь потом постараюсь тебе объяснять, о чем идет речь. Скажу лишь, что с этой штукой и размеры компьютера сокращаются, и энергопотребление. А быстродействие увеличивается. А что это может значить коммерчески – представить себе не так уж трудно. Колоссальные перспективы.

Не могу тебе точно сказать, чем меня наш Вундеркинд сразу купил.

– Хозяин, – говорит он мне, он меня так сразу прозвал, – меня в Калифорнию зовут, сулят золотые горы.

– И чего ж не едете? – эдак нарочито равнодушно спросил я. Поторговаться-то надо все-таки. Хотя бы для приличия.

– Да как-то сам в толк не возьму. Я, знаете, солнце плохо переносу, веснушки сразу вылезают.

По глазам вижу, смеется. И что мне особенно понравилось, ни слова о патриотизме, долге и тому подобных материях. Из опыта знаю, что эти словечки больше для камуфляжа годятся. Я когда еще в советские времена инженером работал, был у нас один в отделе такой патриот. Чуть что, сразу родину поминает. Да я за родину-мать и так далее. Только что ворот рубашки не рвал на себе. А потом выяснилось, что он на всех нас регулярно стучал. Хорошо хоть времена уже наступали полиберальнее, а то сидели бы всем отделом давным давно.

Я когда слышу все эти мифы о едином советском счастливом народе, в едином патристическом порыве бросавшимся в очередь за колбасой в тех редких местах, где ее изредка видели, меня смех разбирает. Может, и сегодня наши прописные воздыхатели по советским временам потому и существуют, что мифы неистребимы. Они, я думаю, вообще для человека необходимы как воздух и еда. Поэтому, наверное, сегодня, когда советские мифы изрядно одряхлели и пообветшали и волнуют преимущественно сердца тех, кто жил в счастливые советские времена победившего социализма, их место заняли новые мифы, от мифов о пришельцах до

мифов о снежном человеке. Не случайно, я думаю, один мудрец сказал давным-давно, что мифы – это то, что никогда не существовало, но всегда есть. Здорово ведь сказано, а?

А вообще, Костя, я сам-то иногда чувствую себя если и не мифом, то уж самой что ни на есть белой вороной. Потому что не думаю о стародавнем фундаменте нашей российской деловой этики – от трудов праведных не наживешь палат каменных. И что раньше появилось – это мудрое оправдание нашего извечного воровства и лени или и то, и другое, наоборот, вызвано убежденностью в преимуществах воровства над честным трудом, не разберешь. Ну а я, во-первых, уже кое-что имел, а во-вторых, мне всё казалось, что труды праведные все-таки поинтереснее палат каменных. Вот и живу теперь своей компанией «РуссИТ». А если точнее – доживаю.

И всё это длиннющее предисловие, Костя, не только оттого, что страшно мне одному оставаться в этой палате. Оно еще и к тому, чтобы ты понял, какие тут интересы задействованы. И чутье мое нашептывает, что смерть бедной этой сестрички Даши не так проста. Что я хочу от тебя? Может, поговоришь с вахтером? Тут его все зовут Данилычем. С этими операми. Случайно ли ее сбили или... Ну, и в компании присматривайся и приглядывайся. Знает ли кто-нибудь о моем диагнозе. Пока я жив, Костя, ложиться на спину и поднимать лапки как-то не хочется. Андерстэнд?

– Иес, сэр.

– Тогда иди. Думаю, что вряд ли сегодня мне грозит что-нибудь еще.

– Иес, сэр, – улыбнулся Костя. – Но все-таки я бы предпочел посидеть ночь рядом с этим Данилычем.

– Не выслуживайся, секьюрити, – улыбнулся Петр Григорьевич и тут же поймал себя на том, что улыбается впервые с момента вынесения ему приговора. – Придешь завтра.

* * *

– Понимаешь, сынок, – рассказывал через несколько минут вахтер Косте, – смотрю, она бежит, вся какая-то растрепанная, в руке мобильник. А на улице дождина как из ведра поливает. Я ей говорю, Даш, ты бы хоть зонтик взяла, держи, а она даже на меня не взглянула, только всхлипнула и выскочила на улицу.

– Всклипнула? Плакала, что ли?

– Ну да, я и говорю. А прямо минут через двадцать два милиционера заявили и стали спрашивать, не наша ли это сотрудница. Проезжали, оказывается, мимо и заметили ее на дороге. Мертвая, говорят, уже была. Хорошая была девчушка... – Старик покачал головой и вытер глаза платком. – Я теперь вспоминаю, она уже несколько дней какая-то сама не своя была...

– А в чем вы это заметили?

– Ну, так прямо и не ответишь... Вообще-то она приветливая была, улыбалась, когда мимо проходила. И всегда спросит: Как дела, Данилыч, назначил бы хоть раз свидание. Смешливая была такая... – Старик снова приложил несвежий платок к глазам.

* * *

Утром Костя был уже в отделении милиции.

– Если не возражаете, товарищ лейтенант, – сказал он дежурному, – я бы хотел узнать о девушке, которую вчера обнаружили сбитой машиной около больницы.

– А вы кто? – хмуро спросил дежурный. – Родственник?

– Да нет. Ваш бывший коллега. Теперь вот в одной фирме безопасностью заведу. И мой шеф как раз лежит в этой больнице. Ему Даша, так зовут эту девушку, должна была укол на ночь сделать.

– А чего ушел из милиции? – слегка оживился дежурный. – Сам или поперли?

– Сам.

– И сколько же тебе в фирме платят?

– Сто тысяч.

– Честно?

– Ей-богу.

– Здорово... За такие деньги – это что ж, больше трех тысяч баксов...

– Точно.

– За такие деньги я бы сам... Нет ли там у вас еще местечка, а?

– Пока нет, но...

– Имей меня в виду, безопасность. Пройди в пятнадцатую комнату. Это на втором этаже вторая комната направо. Поговори со старшим лейтенантом Стычкиным. На него труп твой повесили.

* * *

Стычкин тоже долго интересовался, сколько Косте платят на фирме, потом вздохнул и покачал головой:

– Даже не знаю, что делать. Начали нас здорово поджимать. Вроде бы и хорошо это. Кусочничать и побираться противно, но когда это еще зарплату прибавят, да и сколько прибавят – тысячи на три? Пять? Жить-то как на наши деньги... Ну, что тебя интересует в этом ДТП?

– Понимаете, мой шеф думает, что это может быть и не ДТП. Может, это убийство, считает он. Она, эта девушка, должна была сделать ему укол – он лежит в больнице, – терпеливо бубнил Костя. – Он бизнесмен, и вполне может быть, что его враги решили подговорить сестру сделать не тот укол, что нужно было, но она в последнюю минуту испугалась и куда-то выскочила прямо под дождь.

– М-да, начало тридцать восьмой серии «Убийство под дождем»...

– Несколько вопросов, если вас не затруднит.

– Давай, секьюрити.

– Мобильный при ней нашли?

Старший лейтенант взял со стола листок и начал читать.

– Да нет, вроде. И что, ты думаешь, девушку сбили машиной, чтобы украсть мобильный?

– Может, товарищ старший лейтенант, убийца боялся, что его номер остался в телефоне.

– Гм...

– И потом, не обнаружили ли у нее в кармане мелкие осколки стекла?

– В каком смысле?

– Понимаете, там вполне могла быть ампула, точнее ее осколки, с остатками того вещества, которое намеревались вколоть пациенту, то есть моему шефу.

– Ну, секьюрити, похоже, ты и впрямь милицейские погоны носил. Серия тридцать девятая. Давай твои позывные, я тебе сразу позвоню, когда проверим.

* * *

Костя медленно шел через парк к больничному корпусу. Неужели уже август к концу клонится – и не заметил, как лето проشمгнуло. Вон и листочки начали кое-где желтеть, и ветерок холодный вполне по-осеннему под куртку забирается... Ну никак не хотелось верить,

что Петр Григорьевич обречен. Так ему было хорошо за его широкой и надежной спиной. Всем, всем буквально был он обязан шефу. И тем, что вытащил он его тогда из милиции. И тем, что не считают теперь отец с матерью каждую копейку, когда нужно идти в аптеку. До этого отец от этих счетов и расчетов на глазах старился – не привык так жить. Все-таки был в советские времена кадровым военным. Деньги, говорят, людей не украшают. Может, оно и так. Зато их отсутствие людей уж точно портит. Отец с тех пор, как стал он работать у Петра Григорьевича, прямо на глазах изменился: и спокойнее стал, и мягче. Они на Петра Григорьевича как на святого молятся, только что портрет его в красный угол еще не повесили. И вообще, если бы не Петр Григорьевич, сидел бы он сейчас как пить дать где-нибудь в Мордовии в колонии общего режима и шил брезентовые рукавицы под выцветшим плакатом «На свободу с чистой совестью»... От того, что Петр Григорьевич рассказал ему накануне, на сердце ему словно защелку какую-то повесили – болело оно. Так жалко ему еще никогда никого не было. Прямо завыл бы от горя, как собака. Он, наверное, и был по натуре собакой, потому что только собака может быть так привязана к хозяину, как он к шефу.

* * *

Петр Григорьевич показался ему немножко оживленной сегодня, и он вкратце доложил ему о том, что уже успел.

– Может, – предложил он шефу, – все-таки посадить в коридоре у палаты хорошего человека. Это организовать совсем не трудно. У меня есть старые знакомые, да и в отделении, которое убийством Даши занимается, тоже есть хорошие ребята.

– Думаю, Костя, – пожал плечами Петр Григорьевич, – что пока до штурма больницы дело не дойдет. Поезжай в офис и постарайся выяснить, знает ли кто-нибудь о моем диагнозе.

– Слушаю, шеф.

* * *

Днем в палату к Петру Григорьевичу зашел главврач Борис Васильевич.

– У меня к вам одна просьба, – сказал ему Петр Григорьевич.

– Слушаю.

– Проследите, пожалуйста, чтобы о моем диагнозе посторонние люди не знали. Это для меня очень важно, не столько лично, сколько для компании.

– Понимаю, – кивнул главврач и добавил с плохо скрытой обидой в голосе: – Уверяю вас, у нас персонал вымуштрован, врачебная тайна для нас отнюдь не абстрактное понятие, и всё, что касается пациентов, за пределы больницы не выходит и выйти не может.

Поразительно, почему-то заметил Петр Григорьевич, как у него изумительно выглажена рубашка. И усмехнулся про себя. Как часто он, однако, останавливает в последние дни внимание на пустяках. Прячется, должно быть, за ними от более серьезных вещей. Никогда раньше не подумал бы, что могут ничтожные пустяки быть человеку неким утешением.

– Спасибо, Борис Васильевич, очень надеюсь на вас. Иначе... – Он специально не закончил фразы, и главврач, кажется, почувствовал невысказанную угрозу. Он медленно кивнул и с видом подчеркнуто оскорбленного достоинства вышел из палаты.

* * *

Сразу после обеда в палату к Петру Григорьевичу вошел Гурген Ашотович.

– Как самочувствие, дорогой мой?

– Дышу еще.

– И слава богу. Вот, держите, – он протянул больному несколько отпечатанных листков.

– Что это? Набросок моего завещания?

– Ну, Петр Григорьевич, вы меня радуете. Узнаю ваш прежний юмор. Нет, до завещания еще дело не дошло, да вы его и без меня составите. Это вам советы по меню. Хотя, строго говоря, особых ограничений в еде я от вас не требую, но лучше не перегружать и без того ваш нагруженный желудочно-кишечный тракт. Кроме того, здесь указаны дозы того препарата, что я вам назначил. Если почувствуете тошноту, попробуйте старый дедовский способ – полстакана ледяной водички. Не поможет – попробуйте таблетку мотилимума. Болеутоляющее я вам тоже выписал, ну и снотворное. Пока этого достаточно. Да, чуть не забыл, – добавил Гурген Ашотович, – вот вам телефон человека, который очень хотел бы встретиться с вами. – Петру Григорьевичу показалось, что ничего доктор и не думал забывать и все эти рекомендации просто ширма для чего-то другого. – Держите.

– И по какому же поводу ваш знакомец хотел встретиться со мной?

– Понятия не имею, – для выразительности доктор даже покачал головой и театрально развел руками, отчего манжеты его голубой рубашки вылезли из-под халата.

– Простите, Гурген Ашотович, что-то, сдается мне, вы со мной в кошки-мышки играете. Вы давеча сами говорили, что это ваш знакомый, а теперь и понятия не имеете, зачем я ему.

– Не имею, – почему-то сразу нахохлился врач. – Просто просил он меня устроить с вами встречу. А на какой предмет – не знаю.

– Гм, и вы, зная меня и то, в каком я состоянии, советуете мне встретиться с ним? Так? Правильно я вас понял?

– Вы что, хотите, чтобы я честное пионерское дал или на библии поклялся? Да, я Семена, Семена Александровича знаю давным-давно. Лет пятьдесят, наверное. Учились в школе вместе. Хотя вижу его нечасто. Человек он, скажу вам прямо, довольно странный. Но что именно заинтересовало его в вас – не знаю и знать категорически не желаю, – врач даже слегка повысил голос.

– Боюсь, Гурген Ашотович, автора детективных романов из вас не получится. И знаете, почему? Потому что хорошему детективщику нужно заранее продумать все вопросы и ответы. Так, чтобы казались они естественными и убедительными. Вот сейчас я вас спрошу: а откуда это ваш знакомец знает о моем существовании и тем более о моей болезни? А? В выпуске новостей по телевизору сообщалось? Да не волнуйтесь вы так... Ведь я это...

– Я вас не понимаю, – пробормотал Гурген Ашотович, и желваки на его щеках угрожающе прокатились под кожей. – Я ведь вас не уговариваю...

– Уговариваете что сделать? Может, ваш друг хочет, чтобы я субсидировал постройку приюта для бездомных собак?

– Собак? При чем тут собаки? – почему-то разволновался доктор и недоуменно развел руками.

– Да ни при чем. Это я так, к слову. Тут как раз один такой собаколюб недавно по телевизору за это ратовал. Боюсь, мне как-то сейчас не до бродячих собак. Так что, простите...

– Ну, смотрите. Позвольте вам только намекнуть, что, может быть, вы сами не менее него можете быть заинтересованы во встрече. Если не более. Всё, Петр Григорьевич, больше не пытайте меня. С вашего разрешения я побегу, у меня, между прочим, кроме вас ведь и другие больные есть. Завтра утром выписывайтесь. Здесь вам делать больше нечего.

* * *

Такое было впечатление у Петра Григорьевича, что прекрасно Гурген знал, что от него хочет этот таинственный Семен Александрович. Знал и явно чего-то боялся...

- Ну что ж, надо позвонить. Попытка – не пытка. Он набрал данный ему доктором номер.
- Ну, – нетерпеливо рявкнул кто-то в трубку, – кто там?
 - Семен Александрович?
 - Я, я.
 - Это пациент Гургена Ашотовича Петр Григорьевич.
 - А? Какой пациент? Гургена? А, да, да. Конечно. И что же вам, простите, нужно от меня?
 - Прощать вас пока еще не за что. Из слов Гургена Ашотовича я понял, что это не я вами интересуюсь, а вы – мною.
 - Что? Я? А, да, да. Конечно. Простите. Я, знаете, когда работаю, вообще перестаю что-либо соображать. Хотя, если честно, и когда не работаю, тоже мало что понимаю. Да-да, так мы о чем?
 - Это я у вас хотел узнать.
 - Сейчас сосредоточусь, старый осел...
 - Это вы обо мне?
 - О себе. Всё, я вернулся в наше измерение. Вас, если я правильно запомнил, Петром Григорьевичем звать?
 - Совершенно верно.
 - Ну что ж, если выделите мне толику вашего драгоценного времени, у нас может состояться ин-те-е-ресный разговор. Хотя предупреждаю вас заранее, что, скорее всего, вы решите, что перед вами клинический идиот. Что, если честно, может быть и не так уж далеко от истины.
 - А все-таки о чем...
 - Это, Григорий Петрович...
 - С вашего разрешения, Петр Григорьевич.
 - Простите, не хотел вас обидеть. Я хотел сказать, что это не совсем телефонный разговор. Когда вам Гурген окончательный диагноз поставил?
 - Сейчас... Четыре дня тому назад.
 - Гм... что ж, срок, пожалуй, достаточный.
 - В каком смысле?
 - Что? А, понимаю, что вы хотите спросить. Я хотел сказать, что, наверное, вы дозрели до нашей маленькой беседы.
 - Семен Александрович, я уже вышел из возраста, когда любят загадки, всякие там «без окон, без дверей, полна горница...» и так далее. Да и настроение у меня для загадок, ребусов и считалок не совсем подходящее.
 - Ну, это вы зря. Наоборот, похоже, самое подходящее. О чем это я? А, да. О встрече. Вы уверены, что Гурген даже не намекнул вам о моем предложении?
 - Вполне.
 - Скажите, пожалуйста, человек он не слишком умный, мягко выражаясь, а все-таки сообразил... Я и сам-то не уверен, что сумею вам объяснить, что имеется в виду. Завтра, может быть, а?
 - Давайте завтра. Утром я выписываюсь из больницы, а после полудня мы можем встретиться в любое время. Домой к себе я вас не приглашаю, мне бы не хотелось...
 - Мне тоже.
 - Может, пригласить вас для беседы куда-нибудь в ресторан? Есть симпатичный итальянский ресторанчик «Ми пьаче» около Пушкинской площади.
 - Не стоит, пожалуй. Я в ресторане лет двадцать не был... Если не больше. Я человек странный, дикий, бомжеватого вида и вообще не очень приятный. Даже сам себе, из-за чего у меня постоянное раздвоение личности. Вы говорите, Пушкинская площадь. Вот давайте лучше там и встретимся. Около памятника Пушкину.

- Как странно...
- Что?
- Я очень люблю это место и тоже назначал там свидания.
- Будем считать это добрым предзнаменованием. Оно нам очень нужно. Может, часа в три?
- Хорошо. Как я вас узнаю, Семен Александрович?
- Что? А, да, конечно. Розы во рту мне держать не надо. Увидите дикого бородатого неопрятного вида старика, глазеющего по сторонам, – это я. До завтра, Григорий Петрович...

* * *

3

Утром Петр Григорьевич позвонил Гале предупредить ее, что выписывается, что приезжать за ним не нужно, его привезет Костя и что будет он дома часам к одиннадцати.

– Слава богу, Петя, я уже устала быть одна в этой огромной квартире. Может быть, все-таки приехать за тобой?

– Не нужно, детка. И ничего особенного не готовь. Аппетита и так никакого...

– Я тебя, Петя, из ложечки кормить буду. За тебя, за твою компанию, за премьер-министра и за президента.

Вроде ни одного фо па, отметил про себя Петр Григорьевич, даже трогательно, но то ли чувства его теперь обострились, то ли еще помнил он пугающее равнодушие в ее глазах в зеркале, но звучали ее слова донельзя фальшиво. И что он в ней нашел четыре года назад, старый осел? Круглую маленькую попку? Серые удлиненные глаза? Дебил... Таня бы не спрашивала, приехать ли за ним в больницу. Она бы из палаты не вышла, пока он там лежал.

* * *

Костя поднес сумку Петра Григорьевича к самой двери квартиры и позвонил. Галя, похоже, стояла в прихожей, потому дверь сразу же открылась. Была она как всегда одета как перед выходом на подиум и причесана.

– Петенька, наконец-то ты дома, – проворковала она, и Петру Григорьевичу показалось, что жена бросила на него мгновенный оценивающий взгляд, то ли подставить щеку, то ли самой обнять мужа. Но вместо этого она просто подхватила сумку. Какова интуиция, усмехнулся про себя Петр Григорьевич. Он бы, конечно, вежливо прикоснулся губами к ее гладкой упругой щеке, пахнущей ее любимыми духами «Хлоэ», но, похоже, что это было бы обоим в равной степени неприятно.

– Костя, приезжай за мной к четырнадцати тридцати. Позвони, когда будешь подъезжать.

– Хорошо, шеф.

Удивительно, но квартира, которую Петр Григорьевич всегда так любил и которую с такой любовью обустраивал с Танюшкой, казалась сегодня какой-то чужой, неприветливой, настороженной, словно вошел в нее не хозяин, а посторонний, и ей, квартире, надо еще почувствовать, что это за человек и не несет ли он какой-нибудь опасности.

– Петенька, я все-таки сварила тебе куриный бульон, ни жиринки. Может, выпьешь все-таки чашечку? Тебе нужны силы восстанавливать, поправиться немножко.

– Спасибо, не хочется как-то. Пойду, полежу немного.

Прямо напротив постели в его спальне – они уже давно как-то незаметно, но по взаимному и молчаливому согласию начали спать с Галей в своих комнатах – был портрет Тани. Точнее, это была фотография, но профессионально увеличенная и вставленная в тоненькую темную рамку с приятным темно-зеленым багетом. Красивой Таня не была, но столько было в ее лице с трудом сдерживаемой живости и детского лукавого кокетства, что Петру Григорьевичу на мгновение почудилось, что вот сейчас она выскочит из портрета и обнимет его, прижимаясь губами к его шее. Не зря он звал ее Танька-встанька. И сама была подвижна, как мячик, и всё вокруг нее всегда разом приходило в движение...

Петр Григорьевич прилег к кровати и почти сразу же задремал. Он это понял, потому что во сне Танюшка ласково помассировала ему грудь, опустила руку к животу, еще ниже... Действительно, Танька-встанька. Но даже во сне была Танина ласка бесконечно печальна, потому что каким-то краешком сознания понимал Петр Григорьевич, что это всего лишь сон...

* * *

Раздался телефонный звонок, и Петр Григорьевич взял трубку.

– Это Костя, шеф. Я подъезжаю. Подняться за вами?

– Лучше жди в машине. Вообще, старайся машину одну пока не оставлять, кто их знает, что они еще надумают.

– Те, которые...

– Сам понимаешь, что на медсестре они могут и не остановиться. Попробую спуститься сам.

Петр Григорьевич посмотрел на себя в зеркало. М-да... Старая больная обезьяна с печальными глазами и редкими волосенками. Он помассировал лицо руками и пошел к выходу.

Галя стояла в холле и держала в руках его кожаную куртку.

– Я подумала, Петенька, что в куртке тебе будет теплее, все-таки на улице довольно прохладно.

– Спасибо, детка. – Может, зря он так к каждому ее слову цепляется. Может, все-таки привязана она к нему...

Он надел куртку и вышел к лифту. Ноги были слабыми, но голова, кажется, еще работала вполне пристойно.

Его темно-синий «лексус» был как всегда надраен до блеска – и как только Костя ухитрится всегда держать машину в таком виде? – Костя выскочил, чтобы открыть ему переднюю дверцу рядом с собой.

– Поедем на Пушкинскую, у меня, как у молоденького, встреча там около Пушкина. Сколько она продлится – не знаю. Может, минут десять–пятнадцать, а может, и дольше. Если где-нибудь в районе Известий припарковаться не сможешь, найди местечко у Ленкома или напротив. Я тебе позвоню, и ты подъедешь. Что в милиции?

– Как мы и предполагали, мобильного при Даше не оказалось. Боялись, надо думать, что по нему можно будет определить, с кем она разговаривала накануне. В кармане комбинезона, или как он там в больнице называется, у нее нашли мелкие осколки, предположительно от раздавленной во время наезда на нее ампулы. Содержимое отправили на экспертизу.

– В конторе?

– Всё вроде спокойно. Ваша секретарша Анна Николаевна уже несколько раз спрашивала меня, как вы себя чувствуете, почему не звоните ей и когда выйдете на работу.

– Надо было, конечно, позвонить ей. Столько лет уже вместе... А говорят, что у меня?

– Считается, что острый гастрит. Не знаю уж, кто это решил, но все повторяют: гастрит. А так всё по-старому.

– Хорошо.

* * *

Когда Петр Григорьевич не без труда поднялся из скверика по нескольким ступенькам лестницы и подошел к поэту, он сразу же увидел Семена Александровича и отметил, что описал он себя на редкость точно: неопрятного вида старик с всклокоченной головой и спутанной бородой. Только что соломы в них не было. Хотя, если присмотреться, не такой уж и старик. Если и старше его, то лет, наверное, на пять, не больше.

Семен Александрович поймал его взгляд, кивнул, да, мол, вы не ошиблись, и приглашающе похлопал рукой по пустому месту на скамеечке рядом с собой.

– Добрый день, – кивнул ему Петр Григорьевич.

Семен Александрович кивнул в ответ и внимательно, как бы оценивая, посмотрел на него.

– Садитесь, Петр... э... да.. Григорьевич, и выслушайте меня, пока скамейка пуста.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Как вы думаете, если бы мы обсуждали, как, допустим, ограбить банк, стали бы мы это делать рядом с двумя парнями, сосущими пиво, или настороженным и изнывающим от скуки пенсионером?

– Значит, будем банк брать?

– В чем-то еще хуже. Ну да это... как это сказать... в общем виде...

– Не стесняйтесь, Семен Александрович.

– Я не стесняюсь, Григорий Петрович.

– Петр Григорьевич, с вашего разрешения.

– Простите Христа ради старого... этого... ну, конечно же... Теперь к делу...

Петру Григорьевичу показалось, что от его собеседника пахло чем-то неприятным: похоже, давно не мытым телом и несвежим бельем. И еще потягивало чем-то кисло-собачьим.

– Я, как я вам уже говорил, наверное, выжил из ума, если, впрочем, и был там когда-то. Вопрос, без излишнего кокетства, довольно спорный. Скорей всего, не был. М-да... Поэтому наберитесь терпения. Вам покажется, что я буду петлять, как заяц, всё кругом да около. Но на самом деле, чтобы самолет поднялся в воздух, нужен разбег.

– Ну что ж, давайте разбегаться.

– Петр Григорьевич, что вы там видите на памятнике Пушкину? Слова «нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...»

– Удивительно, я уже не в первый раз читаю на постаменте эти строчки...

– Так о прахе. Лиры у меня для вас нет, но в остальном...

– Вы хотите сказать, что знаете, как мне пережить свой прах?

– Именно. Вы очень... как это сказать... проникательный человек. Именно. Хотя, похоже, я чувствую в вашем тоне сарказм.

– И тленья побегу?

– Ваш этот... как его... да... маразм, простите, сарказм совершенно неуместен. Вы себя не в лире переживете – это не по вашей части, – а в каком-нибудь молодом здоровом теле. Не обязательно, чтобы юноша бледный со взором горящим и всем остальным, что таким юношам полагается иметь и что рифмуется с прилагательным «горящим», но обязательно в молодом здоровом теле.

– Семен Александрович, простите меня за резкость, но мне этот разговор кажется какой-то нелепой фантазмагорией. Или вы меня зачем-то просто дурачите, разводите, как нынче изящно выражаются, либо...

– Что? А, да. Конечно же. Разговор несколько странный для здорового человека, но вы ведь, если прямо, не только нездоровы. Точнее, обречены на скорую и, скорее всего, довольно неприятную смерть. Вы, конечно, можете сейчас вскочить, сказать мне, что я старый дурак, – и будете правы, между прочим – и в негодовании... Что делают в негодовании? Черт его знает... Уходят, наверное. А можете еще и послушать меня немножко. Решайте сами.

– Но что все-таки вы хотите мне предложить кроме лиры, которой у вас нет, а мне она как будто и ни к чему? И то ведь, не забудьте, Александр Сергеевич тоже в изрядной степени принимал желаемое за действительное. Удел, наверное, всех поэтов. Если гордые сыны славян его еще как-то с грехом пополам помнят, и то в основном благодаря школьным программам, то о финнах того же не скажешь. Да и ныне дикий тунгус, если честно, тоже, надо думать, не слишком занят творчеством Пушкина.

– Давайте-ка все-таки с разбега, а то мы так никак не подыдемся в воздух. Сначала позвольте представиться: я гений. Но при этом стопроцентный идиот. Потому что мое открытие,

точнее, изобретение, настолько же феноменально, насколько оно глупо и неприменимо. Даже больше – преступно и безнравственно с точки зрения морали и всех уголовных кодексов в мире. Мне шестьдесят пять лет, я кандидат биологических наук, и с последнего места работы меня выгнали – точно не помню – лет двадцать назад. Кандидат наук в шестьдесят пять, это примерно то же, что младший сержант перед выходом в отставку в том же почтенном возрасте. Другими словами, полный дебил.

Но давайте все-таки разбежимся, а то я всё барахтаюсь на грешной земле и никак не могу взлететь. Петр... Григорьевич? Правильно?

– Правильно.

– Что такое наше самосознание? То, что делает меня старым выжившим из ума мудакom, а вас – обреченным и оттого печальным бизнесменом? Сердце, легкие, почки и прочая начинка, хардвер на жаргоне современной электроники, у нас примерно одинаковые. Ну, получше, похуже, поздоровей или не очень – это сути дела не меняет. Ведь если бы мне, упаси бог, ногу оттяпали, а то и две – я всё равно осознавал себя тем же человеком. Дефектным, это верно. С весьма ограниченными возможностями, как теперь говорят, но тем же самым, каким был и с двумя ногами. Так что руки, ноги и прочие части кузова – это отнюдь не основа самосознания. Более или менее вполне однотипные детали. Но вы ведь не я, а я – не вы. Где же зашито это пресловутое мое «я»? Конечно, в мозгу. Душой вы это назовете или просто самосознанием – не суть важно. Причем и в мозгу, особенно в его древнейшей лимбической части, индивидуальности тоже маловато. Всё больше древние животные инстинкты, от инстинкта самосохранения до инстинкта продолжения рода. От постоянного желания отнять что-то у ближнего, на худой конец просто своровать, до жажды подчинять себе ближних и стремления угодить вожаку, чтобы он благоволил тебе. И, конечно, побольше самочек покрыть, пока еще есть чем... Нет, самосознание современного человека сосредоточено в основном в его коре больших полушарий. Строго говоря... А? Да. Строго говоря, вся цивилизация и культура – это степень контроля больших полушарий над древними инстинктами. Контроль, к сожалению, у многих весьма слабенький. Мне порой сдается, что можно охарактеризовать нашу цивилизацию как цивилизацию коры больших полушарий, которая диктует свои табу остальному мозгу. Забавно, кстати, что культура – это, выходит, жесткий контроль. Чтобы не сказать диктатура. Это, кстати, к сведению наших воинственных либералов. Что? А... конечно. Вы уж простите меня за странную манеру разговаривать, все эти паузы, мычания, блеянья. Да, я не Цицерон. Совсем не Цицерон. И даже не Брежнев. Как я ведь вам уже сказал – я идиот. Нормальный человек думает обычно одновременно об одной, в крайнем случае, о двух вещах. У меня же параллельно их штук пять в голове блохами прыгают, а то и больше. Представляете, какая это чехарда и толкучка? И не всегда успеваешь переключаться вовремя. М-да... Так о чем я вам говорил? Несколько миллиардов или того более нейронов и во много раз больше их сочленений – синапсов, дают в своей чудовищно сложно переплетенной мозаике всё, что делает нас – нами. И прежде всего это память. Знаете, был такой замечательный поэт Заболоцкий. Он кое-что понимал в нашем «я».

– Слышал имя...

– Он когда-то написал:

*Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
На самом деле то, что именуют мной, —
Не я один. Нас много. Я – живой!*

Он прав. Мы – это наша память, наши воспоминания, мысли, чувства – гигантская по своей сложности и объему мозаика долговременной и кратковременной памяти. Но если в нас

так много чего намешано, почему мы, просыпаясь по утрам, все-таки твердо знаем, что это мы те же, что были вчера, позавчера и так далее? Ведь, казалось бы, сегодня можно проснуться Ивановым Иваном Ивановичем, сорока лет, бухгалтером с геморроидальным цветом лица, а завтра, скажем, Фатимой Гаглоевой, шестнадцати лет, выпускницей школы во Владикавказе. Ан нет, это не лотерея. Каждый из нас остается собой, потому что его или ее самосознание жестко склеено памятью.

Когда я был совсем еще сопливым студентиком, меня увлекли исследования мозга американским ученым Корлисом Ламонтом. А исследования мозга нейрокомпьютерным интерфейсом начались лет сорок назад в университете Лос-Анджелеса. Кошкам вживляли крошечные электроды в гипоталамус – это часть мозга, – а потом старались расшифровать записанные сигналы.

Но не буду вам читать лекции. Со всей сегодняшней изощренной электроникой мы, в общем, не так уж далеко ушли от пионера в изучении работы мозга немца Германа Эббингауза, который занимался этим без малого сто лет назад. Да, одно время пресса писала об эффектных опытах доктора Альвареса, когда, например, сигнал, посланный по радио, приводил в действие электроды, вживленные в мозг быку, и тот останавливался на бегу и недоуменно тряс своей бедной бычьей головой, не понимая, что с ним случилось. Самое забавное или трагическое – это уж с какой точки зрения смотреть – это то, что сидящий перед вами вонючий старый дурак научился считывать по своему собственному алгоритму – в этом-то как раз и заключается мое величайшее открытие – карту мозга, записывать ее, а потом, наоборот, этой записью можно загрузить другой, предварительно, так сказать, стертый ум. Причем мои датчики и сенсоры так чувствительны, что не нужно сверлить черепную коробку и вживлять их в мозг. Иначе пришлось бы черепную коробку превратить в мелкое решето. Просто я надеваю на голову мой шлем, и он дистанционно контактирует с нейронами, точнее, с целыми кластерами нейронов... М-да. Звучит, наверное, глуповато, как, впрочем, и большинство великих идей...

– То есть вы хотите сказать, что можете скачать содержимое моего мозга в чей-то другой?

– Вы, Петр... э... Григорьевич, довольно быстро ухватили суть дела. Именно это я и хотел сказать. Мало того, я уже не раз испытывал свою систему. Правда, пока только на собачках. У меня дома живет мой единственный в жизни друг... да... о чем я? А, да, о друге. Милая дворняжка по кличке Корлис, в честь того исследователя, о котором я говорил... Но Корлисом, строго говоря, раньше была совсем другая собака, лабрадор, которой... так сказать... пришлось отдать свое «я» на алтарь моих дурацких амбиций... А Корлис номер два приобрел все привычки Корлиса Первого, от привычки вспрыгивать ночью на мою кровать и ложиться мне в ноги и лежать там, пока согреется, до умильного взгляда на хозяина, когда очень хочется есть, не говоря уж о том, что он сразу же стал откликаться на новое имя, хотя до этого он и Тузиком, надо думать, не был, потому что песик был бездомным. А тут сразу благородное имя Корлис.

– А... что стало с лабрадором?

– Отдал свою жизнь на благо науки, то есть почил в собачьем своем бозе. И похоронил я его со всеми собачьими почестями.

– Заманчиво, конечно... Но... я как-то плохо вижу себя в образе собаки. Может, собакой быть и интересно, открывается масса новых возможностей, но, боюсь, моя жена, члены правления моей компании, да и акционеры вряд ли согласятся, чтобы ими руководила собака. Даже в попонке. Даже с контрольным пакетом акций. Да и с представительскими функциями тоже не всё гладко было бы. Собак, знаете, в руководстве немало, но снаружи, пока они не начинают твкнуть и гавкать, все-таки вид у них все-таки более или менее человеческий.

– Всё еще шутите, Петр Григорьевич. А я... а я ведь серьезен.

– Допустим, Семен Александрович. Но если следовать вашей логике, то где мне взять этот другой, стертый, как вы выражаетесь, мозг? Что-то я таких предложений типа «в связи с

отъездом продам голову, недорого» ни в телевизионной рекламе, ни в Интернете, ни в одном каталоге не видел.

– Вот-вот-вот, о том-то и речь. Если бы чистые головы продавались как чистые дискеты на каждом углу, рублей тридцать за штуку, никаких проблем бы не было. Иначе я бы не только Нобелевскую премию давно получил. Это уж точно. Был бы я провозглашен... Кем? Да черт его знает... Ах да. Пожалуй, столпом, корифеем и гением. И пресса ловила бы меня на каждом шагу, чтобы узнать мое мнение обо всем на свете, начиная от моды на смену тел до проблемы однополых браков. А я вместо снисходительной раздачи интервью и автографов сижу около Пушкина с незнакомым человеком, который явно держит меня за дебила. Не без оснований, к тому же... Что? А, да. Сижу и пытаюсь убедить совершенно незнакомого мне бизнесмена в том, что могу сохранить его бесценную жизнь и при этом еще слушаю бурчание своих кишок, потому что не жрал ничего со вчерашнего дня.

– Так я...

– Купите мне чебурек, а? Или два? Плачу от щедрости вашей и сердечной благодарности. Извольте ручку поцеловать. Что?

– Да я ничего...

– Не думайте о моих кишках, Петр... Григорьевич. Я голодать уже давно привык. К тому же лабораторные мыши, которых держали впроголодь... Впроголодь... Да, впроголодь, так вот, живут они почти вдвое дольше мышек сытых. Но я как-то... отвлекаюсь. Вы правы, хорошее здоровое тело купить в наше время трудновато, хотя, хотя... Хотя, как известно, продается и покупается всё. Проще было бы... как бы выразиться поизящнее... убить нужного человека.

– Как убить?

– Не в физическом смысле, Григорий Петрович...

– Петр Григорьевич, с вашего разрешения.

– Да что вы заладили Петр Григорьевич да Петр Григорьевич, сдался вам Петр Григорьевич! – вдруг вскрикнул сердито Семен Александрович. – Готовьтесь к тому, что вас вскоре будут называть как-то совсем по-другому. Если, конечно, вас заинтересует мое маленькое предложенье и вы подсуеитесь и найдете себе подходящее хорошее тельце.

Голова Петра Григорьевича, казалось ему, вдруг стала какой-то огромной и гулкой, и каждое слово сумасшедшего старика, что сидел рядом с ним на лавочке у памятника Пушкину, отдавалось в ней перекатывающимся эхом. Стать молодым и здоровым и даже не знать слова «поджелудочная железа»... Вот уж поистине незнание может быть синонимом счастья. Да, но...

Семен Александрович сидел, полузакрыв глаза, и слабо улыбался.

– Позвольте, – вдруг очнулся от своих видений Петр Григорьевич, – но жизнь научила меня осторожности. Может, всё, о чем вы говорили, – это просто хитроумная схема, чтобы развести меня на энную сумму?

Семен Александрович засмеялся. Смеялся он как-то по-куриному, словно кудахтал. Вот-вот начнет хлопать пыльными крыльями и весело кукарекать. А то и яйцо снесет...

– Стреляный воробей всего боится. И правильно делает, между прочим. Все бояться. А я, думаете, не боюсь? Страх ведь основа цивилизации. Вы, конечно... да, вы правы, но я и не думаю просить у вас предоплату, задаток или, тем более, подписывать контракт о намерениях. Заплатит мне не Петр Григорьевич, а уже Иван Иванович, Самуил Яковлевич, Мустафа Магомедович или кем вы там станете после того, как душа ваша в заветной лире или там какой-нибудь чековой книжке перекочет в новое тело. И в цене как-нибудь сойдемся, потому что обе стороны будут заинтересованы в дальнейшем, так сказать, техобслуживании. Вы ведь в своем новом виде не пойдете к психиатру с жалобами, что вам как-то неудобно в новом теле. А я тем более. Вот так, – сказал Семен Александрович, – засим разрешите откланяться, как говорили наши предки.

– Позвольте, но мы даже...

– Всё вы, Петр... да, Григорьевич, всё поняли. У бизнесменов голова должна работать быстро, чтоб понять, где его выгода. А тут как раз такой случай, что выгода совершенно очевидна. А дальше всё решать вам. Переселяться или тихо ждать конца. А если переселяться – в кого. У меня, как ни странно это вам покажется, таких доноров на примете нет. Так что если надумаете, позвоните мне. Пока я еще жив... между прочим...

И исчез. Словно и не было вонючего бомжа, который говорил о самом невероятном предложении. Сумасшедший. Ну конечно же, типичный пример мании величия. Или, может, сверхценной идеи. Так это, кажется, называется в психиатрии. Псих, псих, псих. Стопроцентный псих, тут и думать-то не о чем. Сколько таких непризнанных гениев бродит вокруг. Одних Наполеонов в любой психушке по несколько штук. Так что лучше и не думать... Но думать как раз и было о чем. Как-то очень грустно было расставаться с пусть безумной, но так соблазнительно блеснувшей на мгновение надеждой. Да, но если он сумасшедший, как мог Гурген давать его телефон и рекомендовать встретиться с психом? Для чего? Он-то бы уж наверняка знал, что этот человек болен. И старый его друг и все-таки врач, а не какая-нибудь доверчивая бабка, что ходит по магам и ясновидящим. Но самое главное было даже не в этом, вдруг ясно понял Петр Григорьевич. Теперь ясно, почему Гурген всячески подчеркивал, что не знает, о чем его знакомец может говорить с Петром Григорьевичем. Да просто потому, что дело это чисто уголовное – статья сто пятая. Не смена голов, конечно, а убийство. О чем, собственно, и идет речь. А трусливый Гурген звука своего голоса боится, не то чтобы вляпаться в статью сто пятую. Но это же, выходит, значит, что Семен Александрович никакой не псих.

М-да. Дело не просто уголовное. И следователи, и прокуроры, и адвокаты, и судьи просто рехнутся в одночасье, если займутся им. Какое же это убийство, улыбнется снисходительно адвокат, если перед вами, уважаемые присяжные заседатели, стоит человек, которого по странной, мягко говоря, версии прокуратуры убили? Жив, здоров и улыбается. Вы видели такие трупы, которые стоят в зале суда и улыбаются? Тут и живые улыбаются нечасто. А, вон оно что – уважаемый прокурор утверждает, что убито не тело, а голова? Так и голова, как вы все видите, на месте. И все свидетели подтверждают этот факт. И отвечает убитый вполне здраво, и все свидетели подтверждают, что это безусловно Иван Иванович, и жена его подтверждает, что это действительно Иван Иванович, за которым она замужем уже семь лет и которого она безумно любит. И знает, так сказать, до последней родинки на левой ягодице. Можете проверить сами, уважаемые присяжные заседатели. Мой подзащитный готов тут же, с разрешения вашей чести, господин федеральный судья, продемонстрировать ее. Ну и так далее...

Петр Григорьевич глубоко вздохнул, достал мобильный и позвонил Косте. Ну хорошо, допустим, он поверит всей этой фантастике. Но в кого переселяться? Пойти на убийство? Он-то знает, что это будет убийство. Самое изощренное убийство, которое только можно представить себе. Ну ладно, отбросим страх разоблачения. Сможет ли он жить с сознанием того, что убил человека? Ну хорошо, он о Боге не думает, что такое грех – точно не знает и знать не очень-то хочет. Но совесть-то у него какая-никакая есть? Самая что ни на есть бэу, старая, перестиранная, в заплатах, но все-таки, черт побери, совесть?

И что решить, и как решиться... К тому же один он такую операцию в своем нынешнем состоянии провести никак не сможет, даже если бы очень захотел. В чем он не был уверен, хотя, с другой стороны... Можно было бы, конечно, уговаривать себя, что жить ему нужно не для себя, боже упаси, а токмо ради процветания отечественной электроники вообще и своей компании в частности. Но он-то знал, что на самом деле преспокойно отдал бы за свое исцеление всю электронику на свете, жили ведь люди и без нее и даже без канцелярских счетов, на своих десяти пальцах считали, если уж очень нужно было. Просто очень не хотелось проваливаться в черную бездонную дыру смерти. До сердечных спазмов не хотелось. Тем более что ни Александром Матросовым, ни Иваном Сусаниным никогда он себя не чувствовал и уж себе-то

чаще всего не врал. Значит, надо открыться кому-нибудь. Наверное, есть только один человек, которому он может довериться, – Костя. А как он отнесется к такому предложению? Никакой уверенности, что согласится он быть соучастником – да, соучастником, подельником – чего уж тут крутить – у Петра Григорьевича не было. А что, может быть, пусть Костя и решает. Тем более, как он только что понял, без него он всё равно сделать ничего не сможет. Еле до машины доползает на ватных трясущихся ногах, где уж тут убийство замышлять и тем более осуществить.

Звякнул мобильный.

– Петр Григорьевич, я у «Известий» встал во втором ряду. Идете? Или помочь вам?

– Иду, Костя, иду.

Петр Григорьевич сел в «лексус» и закрыл глаза – все силы словно сразу вытекли из него, и он чувствовал себя пустым и беспомощным. В машине слегка пахло кожей салона, и этот привычный запах на мгновение отогнал фантазмагорию. Но только на мгновение.

– Домой, шеф? – спросил Костя, и по его озабоченному тону Петр Григорьевич понял, что Костя заметил его внезапную слабость.

– Нет, Костя. Нам нужно серьезно поговорить. Найди-ка какое-нибудь спокойное местечко.

Душа Петра Григорьевича словно раздвоилась. Одна половинка хотела, да что хотела – жаждала, свирепо жаждала почувствовать радостный прилив сил, страсть борьбы, мечтала поднять его компанию на высоту, никому еще в отечественном ИТ-бизнесе не доступную, чтоб все почтительно замолкали при ее упоминании, хотела любви, ласки, веселого застолья. Чтобы дымком тянуло от мангала с жарящимся шашлыком, и чтобы он разливал гостям хороший коньячок. Хотела веселого молодого пота после хорошей пробежки. Алкала, как говорили когда-то, дождя брызг и ветра на лице и вибрации водных лыж на ногах. Вторая же половина сжалась в холодном тоскливом ужасе перед необходимостью стать убийцей. Да брось, не юродствуй, интеллигентик в первом поколении, напористо наседала первая половина, разве ты тогда не прихлопнул того человека на лестнице? А у него, скорее всего, были родители, которые потеряли сына. А может, жена и дети, которые в тот вечер все ждали и ждали его и так и не дождались. И что-то не помнится, чтобы тогда ты особенно мучился угрызениями совести. Да, слабо оправдывалась первая половина, но это же была самозащита... Знаем мы эти самозащиты, особенно в благословенном отечественном бизнесе. Любой рейдер на библии поклянется, что захватывал чужое предприятие только для защиты... Даже не своих корыстных интересов, боже упаси, токмо для ради дела...

– Здесь в переулочке можно постоять, – сказал Костя, ловко вогнав машину между стареньким заржавелым «москвичом» и «фордом фокусом». Он выключил двигатель и повернулся к Петру Григорьевичу, глядя на него вопросительно и тревожно.

– Костя, приготовься к самому безумному и самому трудному разговору, в котором ты когда-либо участвовал.

– Слушаю, – сказал Костя, и лицо его стало еще более тревожным.

– Как я тебе уже говорил, рак мой неизлечим, неоперабелен и довольно быстро загонит меня в могилу. И вот появилась надежда – повторяю, надежда – остаться в живых.

– Какое-нибудь новейшее лекарство?

– Если бы... К этой надежде столько всяких «но» подвешено, что я боюсь принимать какое-то решение...

– О чем вы говорите, шеф, если речь идет о вашей жизни, какие могут быть «но»? Какие вообще могут быть «но» в вопросах жизни и смерти?

– Если ты наберешься терпения и выслушаешь меня, ты поймешь, почему я так нерешителен и почему я должен посоветоваться с тобой. Потому что без тебя всё равно я сделать ничего не смог бы.

– Да я всё сделаю, шеф! – с жаром воскликнул Костя.

– Подожди, Костя, подожди, не торопись. Боюсь, что через несколько минут ты уже не будешь таким решительным и уверенным...

С чего начать? Как всё это повторить? Как заставить молодого здорового человека понять, как, почему и зачем может старик так непристойно, так гадко цепляться за жизнь... Молодые ведь куда решительнее, всё у них настолько проще. Смерть для них это вещь абстрактная, к ним никакого отношения не имеющая. Особенно, когда речь идет не о них, а о других. Для них ведь смерть – это то, что случается с другими, но никак не с ними. Поэтому всё у них так просто и однозначно. Петру Григорьевичу вдруг стало холодно.

– Костя, включи, пожалуйста, печку на минутку. Что-то зябко стало.

Костя бросил недоумевающий взгляд на термометр на приборном щитке – двадцать три градуса – и включил печку. Легкий ток теплого воздуха успокоил Петра Григорьевича, и он начал рассказывать. Костя молчал. Ни вопроса, ни восклицания. Словно застыл, оцепенел, пока шеф пересказывал ему разговор с Семеном Александровичем. И даже когда Петр Григорьевич замолчал, он продолжал молча сидеть, держась за руль и ссутулившись. И Петр Григорьевич молчал, понимая, какая борьба сейчас идет в Костиной душе. И жалко, наверняка, ему шефа, как он его называет, и не может он решиться стать соучастником. Человек ведь Костя старомодно-нравственный. А не то был бы уже наверняка как минимум капитаном, купил бы как выгодное вложение на чье-то имя пару квартир и ездил бы на таком самом «лексусе». Он его понимал. Сам столько уж навоевался с сомнениями и страхами. И сказать, что ничем своему шефу в такой ситуации помочь не сможет, Косте, надо думать, нелегко.

Костя медленно повернул голову, взглянул на Петра Григорьевича и глубоко и прерывисто вздохнул. В сразу запавших его глазах стояли слезы. Откажется, с тягостным ужасом понял Петр Григорьевич, как пить дать откажется. Конечно, тяжело ему предавать шефа, ведь привязан он к нему, он был в этом уверен. Но надеяться на другое было с самого начала глупо. Да, конечно, Костя привязан к нему, он это знал, чувствовал. И Костя наверняка чувствовал, что фактически стал ему сыном. Но быть привязанным – одно, а быть соучастником убийства – совсем другое. Ну что ж, будем считать, не удалось ему из могильной ямы выбраться, земля под руками осыпается. Так оно и должно быть. Закон жизни. Из всего уравнения со многими неизвестными одно решение и не думало прятаться за иксами и игреками. Его онкологическому высочеству господину раку бояться некого и прятаться незачем.

– Шеф, я вас только попрошу... – с трудом, словно вдруг он потерял голос, пробормотал Костя.

– Что, Костя?

– Стариков моих не оставьте. Мама совсем в последнее время сдала...

– Конечно, но я что-то не пойму, к чему ты это говоришь?

– Как к чему? Если меня не будет...

Словно фейерверк вдруг яркой гроздью вспыхнул в голове Петра Григорьевича, и он почувствовал, как на глазах навернулись слезы. Да что навернулись, текли они, текли, застилали всё кроме одного: человек рядом с ним предложил ему свою жизнь. Такого благородства, такого самопожертвования он никогда в своей жизни не встречал. И даже представить себе такого не мог. Жив ли он будет или нет – всё равно несколькими словами Костя перевернул ему жизнь. И слезы всё продолжали набухать в его глазах и скатываться тоненькими ручейками. Он с трудом удержался от того, чтобы обнять Костю за шею и прижаться к нему. Отдать свою жизнь...

– Костя, и ты решил, что...

Костя недоуменно смотрел на него. Несколько раз он моргнул, чтобы лучше видеть.

– Конечно, шеф, – медленно и с трудом пробормотал он, – чего тут говорить, копыта отбрасывать кому хочется... Но вы... Вы для меня...

– Ну, Костя, вот уж не думал, что ты такое мог от меня ожидать. Да я... Ладно, Константин Пантелеймонович, ловко ты, однако, одним махом сделал меня твоим вечным должником. Шучу, конечно. Но действительно, неужели ты мог хоть на секундочку подумать, что я хочу вместо своей твою шею под косу подсунуть?

– Но тело-то нужно... И вы сказали, что без меня ничего не сможете. Я сразу понял, о чем вы говорите. Хотя, если честно, ох как не хотелось понимать. Прямо мысли извертелись. Но куда деться? Не так уж трудно было догадаться. А тут вдруг... Но как же тогда? Как же так? В кого же вы переберетесь?

– Об этом и разговор. Но уж во всяком случае, не в тебя.

– Тогда... – Глаза у Кости разом высохли, и голос окреп. И плечи распрямились, и голова поднялась от руля. Тяжело приспосабливаясь к плохому, ухмыльнулся про себя Петр Григорьевич, а хорошее воспринимается сразу же, особенно в Костином возрасте.

– Тогда, – продолжал Костя, – тогда надо думать, кого мы выберем.

– Но ведь это, друг мой ненаглядный, убийство, как ни крути. И дело не только в статье сто пятой Уголовного кодекса. И с совестью своей нужно как-то договариваться. Конечно, у некоторых она партнер удобный и сговорчивый, а то и вообще в постоянном неоплаченном отпуске отдыхает, но ведь она и взбрыкнуть ненароком может. Об этом ты подумал? Я-то уж свою голову сломал, а тебе-то эти сомнения к чему?

– Это вы всё верно говорите, конечно. Но я вам вот что скажу, шеф. Хоть мы и штаны носим и вон даже на «лексусах» ездим, всё равно в душе все мы немножко звери. А звери над такими вопросами не задумываются. Хотя они, по-моему, вообще поблагороднее гомо сапиенс будут. Лев ведь подряд всех не дерет. Только для пропитания или для того, чтобы свою шкуру спасти. И плюньте на всякие там интеллигентские штучки-дрючки. Я так считаю, шеф. Может, это я грубо говорю, но зато по делу.

– Наверное, ты прав, хотя... Ладно. В одном-то ты уж безусловно прав – умирать очень не хочется. И себя жалко, и компанию, и вообще... Давай думать, кого мы наметим. Я уж эту ситуацию сто раз в голове перемолол. Мне кажется, что наша жертва должна быть из компании.

– Почему?

– Да потому, что еще заранее я этому человеку все свои акции завещаю? Завещаю? Передам, одним словом. И он должен быть как бы в курсе дел компании, и другие его знать должны...

– А на самом деле это вы будете?

– Я ж тебе объясняю...

– Я понимаю, но старик этот, выходит, и правда гений.

– Если всё это не окажется каким-то непонятным фуфлом, он действительно гений. Если и не чистой красоты – помнишь, у Пушкина – как мимолетное виденье, как гений чистой красоты – то гений науки уж точно. Злой ли гений, добрый, это уже другой вопрос. Только вот одно не выходит у меня из головы.

– Что, шеф?

– Как-то он вскользь заметил: пока я жив. Это он о себе. Может, он и сам на ладан дышит? Я это к тому, что времени у нас с тобой мало, и откладывать надолго наше предприятие рискованно. Поехали, Костя, домой. Если честно, устал я от всех этих треволнений ужасно.

– Так от них и здоровый человек давно в нокдауне был бы, а с вашей болезнью и говорить нечего.

Немножко почувствовал себя Петр Григорьевич лучше, даже, можно сказать, некий неожиданный прилив сил испытал. Он набрал номер своего секретаря.

– Анна Николаевна, добрый день, это Петр Григорьевич.

– Слава богу, Петр Григорьевич, я все ждала-ждала, пока вы позвоните. Как вы себя чувствуете?

– Ну, к олимпиаде еще не готов, но, в общем, ничего. Завтра я приеду в офис как всегда, ну, может, чуть позже, а вас я попрошу собрать весь менеджмент часам, скажем, к одиннадцати. В моем кабинете, если он, конечно, еще не занят.

– Как вы можете так шутить, Петр Григорьевич, да мы тут баррикады бы выстроили. А вы – если кабинет не занят.

– Не сомневаюсь, Анна Николаевна. До завтра.

* * *

4

Петр Григорьевич медленно обвел взглядом всех собравшихся в его кабинете. Его заместитель, он же вице-президент фирмы Юрий Степанович не спеша оглядывал присутствовавших с видом человека, который одним своим присутствием уже делает одолжение другим. И как всегда галстук у него непостижимым образом казался приклеенным, так ровно он сидел под накрахмаленным воротничком на положенном месте. Финансовый директор Александра Яковлевна, по старому главбух, со старой советской халой на голове окончательно расстаться так и не смогла, но по новым временам выстраивала у себя на голове нечто подобное Вавилонской башне. Она сосредоточенно листала какие-то странички, и очки у нее как обычно сползли на самый кончик носа, вот-вот упадут. Но как всегда не падали. Главный аналитик и маркетолог Евгений Викторович, Женечка за глаза, тоже держал в руках какие-то каталоги. Красивый парень, вон какая борода русая, прямо из чеховской пьесы персонаж, не в первый раз с легкой завистью заметил Петр Григорьевич и поймал себя на том, что погладил свой пока еще голый подбородок. Хороший специалист, кончил Томский университет. Молодой, красивый, стройный – бабам должен нравиться до умопомрачения. Где находится поджелудочная железа – почти наверняка не знает. И что она вообще делает – тем более. Да и зачем ему это знать? Счастливые, как известно, часов не замечают, а здоровые – свой организм. Вот бы... М-да, а почему бы и нет...

– Дорогие коллеги, – сказал Петр Григорьевич. С легкой руки президента страны стало это обращение нынче модным, – рад снова быть с вами. Теперь к делу. Ни для кого из вас не секрет, что наш акционер господин Фэн хотел бы приобрести наш «РуссИТ» и еще год назад сделал нам предложение, оферту, как говорят специалисты по корпоративным продажам и слияниям. – Юрий Степанович сразу напрягся, заметил Петр Григорьевич. Ну что ж, пусть напрягается. – По моему глубокому убеждению, никакого смысла принимать его предложение или даже поторговаться, чтобы поднять цену, у нас нет.

– Почему же, позвольте, однако, полюбопытствовать? – сразу ошетинился Юрий Степанович. – Особенно если он согласен пересмотреть свое предложение и поднять первоначальную цену.

– Охотно объясню. По двум причинам. Во-первых, может быть, вы слышали, что недавно в нескольких компьютерах иностранной сборки, которые использовались в силовых структурах, были обнаружены довольно ловко вшитые в них устройства, позволявшие третьим сторонам копировать базу данных этих аппаратов. Что, как вы понимаете, не очень-то обрадовало власти. И принято решение использовать, по крайней мере, пока что только в силовых структурах и в аппарате правительства, компьютеры исключительно отечественной сборки. Наша компания участвует в тендере на поставку им компьютеров, и от нас зависит, сумеем ли мы получить крупный заказ.

Это первое. Далее. Сегодня же я поговорю с двумя выпускниками Физтеха, которых нам рекомендовал Свирский, и у меня есть все основания полагать, что они согласятся работать у нас. С их помощью и при условии, что мы дооборудуем нашу лабораторию, мы можем надеяться, что через полгода, максимум год у нас будет готов первый экземпляр нового компьютера. Свирский условно называет его флэш-компьютером, аналогов которому в мире еще нет. Сумеем ли мы наладить их массовое производство или нет – всё равно цена наших акций, то есть капитализация компании возрастет, я уверен, в разы. Надеюсь, я изложил свои мысли понятно?

– Но пока суть да дело, – пожала плечами финансовый директор, – расходы предстоят нешуточные.

– Согласен. Я думаю, мы сможем получить достаточный кредит.

– Блажен, кто верует, – пробормотал Юрий Степанович.

– Юрий Степанович, вы прекрасный специалист. У врачей это называется от бога. От бога ли вы у нас оказались или просто так карта легла, но мы работаем с вами и ценим ваши знания и опыт. Но если вы такого низкого мнения о наших перспективах, продайте мне ваши восемь процентов акций. Зачем вам, бедному, мучиться?

– Вам? Боюсь, вы не потянете.

– Ну, это, дорогой мой, уж не ваша забота и не ваша печаль. Давайте договоримся так. Вы называете мне цену, мы поторгуемся и придем к соглашению. И вы преспокойно найдете себе другое местечко, где ничего не будет вас раздражать.

– Ну, знаете... вспыхнул Юрий Степанович. – Я уж как-нибудь сам решу, что мне делать. Не маленький. Хотите меня уволить – это ваше право, но, пожалуйста, не учите меня, что мне делать и что мне думать.

– Ну и решайте на здоровье. Главное – не ставьте нам палки в колеса. ИТ-бизнес ведь чудовищно конкурентен. Чуть споткнешься – всё. Нет тебя. Есть только твои обглоданные косточки, которые преспокойно, да что преспокойно, с радостью выплюнут конкуренты. Примеры приводить не буду. Вся история информатики полна ими. Дорога к успехам в ней проходит по полям недавних жестоких сражений. Где проигравшим даже памятники не ставят. А мы мало того что хотим благополучно пройти по этим полям, так мы еще должны уворачиваться от подножек, которые сами себе и ставим. Всё, коллеги.

* * *

Через час в кабинет вошел Вундеркинд, ведя за руки, как детсадовцев, двух молодых людей. Один большой, толстенький, сонного вида, второй, наоборот, маленький, чернявый и юркий с глазами-бусинками, как у вороны.

– Вот, Петр Григорьевич, это мои мальчики, которых я вам обещал. Большенький – это Свистунов Олег Игнатьевич, младшенький – Сидоров Исидор Исидорович.

– Исидор Исидорович?

– Ну, в миру-то он Игорь Иванович Сидоров. Выражаясь литературно, кликуха у него такая. Садитесь, дети, ведите себя прилично, в носу не ковыряйте.

– Здравствуйте, молодые волки. Наш Вундеркинд говорил мне, что вы лучшие из лучших. А я ему верю безусловно. Яша в Америку не уехал, и правильно, по-моему, сделал. Конечно, оклады там с нашими несравнимы, но есть у нас и свои преимущества.

– Это какие, конкретно? – уставился на Петра Григорьевича Исидор Исидорович своими черными любопытными бусинками.

– Ну, обещать вам, что вскоре вы переплюнете нашего соотечественника Сергея Брина, одного из основателей Гугла и миллиардера, я не могу. Но свободу деятельности я вам гарантирую.

– А как деять, на что? – не унимался Исидор Исидорович.

– Для начала вы будете получать по сто тысяч рублей в месяц. Через три месяца, если вы проявите себя, и Яков будет считать, что вы на своем месте, оклад вырастет на пятьдесят процентов. Мало того, если мы сработаемся, мы со временем выделим лабораторию в отдельную хозяйственно-исследовательскую структуру со своим счетом. И вы сможете стать ее совладельцами, то есть участвовать в прибылях.

– А в убытках? – улыбнулся Исидор Исидорович.

– И в убытках тоже. Если через три месяца мы придем к выводу, что устраиваем друг друга, мы поможем сделать вам первоначальный взнос и получить ипотеку на приобретение хороших коттеджиков недалеко от лаборатории в поселочке с поэтическим названием не то «Сосновое счастье», не то «Сосновый бор», точно уж не помню.

– А лаборатория? – пробасил толстенький. – А то я со своим паяльником могу прийти.
– Начинаем оборудовать ее. Мы с Яшей уже обсудили, какое оборудование нужно купить в первую очередь.

– Соблазнительно излагаете, господин президент, – вздохнул Свистунов.

– И что же вас смущает?

– Да сам не знаю... Если вы согласны нас на испытательный срок в колодки не заковывать и каленым железом тавро на лбу не выжигать, можно, пожалуй, и попробовать.

– Я согласен, – улыбнулся Петр Григорьевич Свистунову. Симпатичный парнишка, ничего не скажешь. И полнота у него какая-то уютная, домашняя.

– То вы, а Яша – человек жестокий, палач по натуре, инквизитор, можно сказать. Он-то как?

– За палача ответишь, Свистун. Но так и быть, пощадим.

– Ладно, – печально кивнул головой Исидор Исидорович, – что ж делать, рискнем. Продадимся в рабство... Хорошо хоть не в сексуальное.

– Кто ж тебя, убогонького, в мужской стриптиз с интимными услугами возьмет? Так что бояться тебе сексуального рабства нечего.

* * *

Костя позвонил в милицию тому самому Стычкину, на которого по изящному выражению коллеги, повесили труп Даши.

– Какие-нибудь новости есть, товарищ старший лейтенант?

– А, это наш бывший товарищ, продавшийся новой российской буржуазии?

– Он самый.

– Не подыскал еще мне у них местечко? Одни обещания? Ладно, шучу, конечно. Так вот. Похоже, что это было действительно не банальное ДТП, а убийство. Очень, видно, кому-то хотелось девчушку на тот свет отправить.

– Почему вы решили?

– Понимаешь, хотя был сильный дождь, и со следами машины пришлось повозиться, выходит, что сначала ее машина ударила, а потом отъехала и проехала по ней...

– Господи, есть же выродки...

– Чего-чего, а этого добра у нас навалом. Можем экспортировать, как нефть. Машину пока не нашли и, боюсь, не найдем. Свидетелей нет: и поздно было, и местечко такое, и дождь – всё вместе.

– А осколки ампулы?

– А здесь свои сложности. Эксперты говорят, что на них найдены следы вещества, которое идентифицировать не так просто.

– Почему?

– Какое-то вещество органического происхождения. Говорят, не встречали еще такого... Хорошо хоть теперь не требуют от нас стопроцентной раскрываемости, вон, говорят, у американцев всего процентов, кажется, тридцать, а нас раньше заставляли под девяносто тянуть. Все мозги повысушивали придумывать всякую чушь. Но вообще-то в этом дельце крошечная зацепочка все-таки есть. Подруга этой девушки рассказала, что влюбилась она не так давно в какого-то парня, а он, как она поняла из рассказов убитой, оказался наркоманом. Только ни фамилии его не знает, ни кто он и где живет. Раз только его мельком видела, ну и как-будто зовут его Степа. В смысле Степан. Такие вот неопределенные вещи. Вот и ищи. Как это в одной старой песне пелось – а я еду, а я еду за туманом... Как говорят в одной телепрограмме, будем ждать откликов. Ну, и надеяться, что выйдем как-нибудь на след этого наркомана. Чутье мне нашептывает, что он как-то с убийством связан.

- Спасибо, товарищ старший лейтенант.
- Не за что, служивый. Пока. Будут какие-нибудь новости, тут же позвоню.

* * *

– Яша, если ты не возражаешь, я бы хотел задержать тебя на несколько минут, – сказал Петр Григорьевич Вундеркинду, когда они остались одни.

– Слушаю, Хозяин.

– Не буду пока что объяснять тебе почему, но у меня в последнее время очень обострилось чувство времени. Которое мчится и мчится, как прищипленное и которое не удержишь и не замедлишь. И я бы хотел спросить тебя – не как работодатель, а как... я даже не знаю... боюсь выпрених слов... ну, не в словах дело. Скажи, ты действительно считаешь, что при условии нормального финансирования и более или менее нормальной лаборатории вы сможете быстро, скажем, в пределах полугода-года, собрать ваш флэш-компьютер?

– Собрать-то не фокус, Хозяин. Фокус в том, чтобы модель эта действительно была бы в разы эффективнее и по приемлемой цене. Вообще ведь вся ИТ – информационные технологии – развиваются с чудовищной скоростью, а флэш-память, флэшки попросту, вообще плодятся, как дрожжи. Знаете, есть такие мушки, на которых любят ставить свои опыты генетики, потому что поколения у них сменяются с бешеной скоростью. Флэш-память была изобретена всего-то навсего двадцать пять лет назад японским инженером Фудзиро из компании «Тошиба», и была это скорее игрушка. Первую же коммерческую флэшку выпустил Интел в восемьдесят восьмом году. А сегодня такие гиганты, как «Тошиба» и «Самсунг» вцепились друг другу в горло в схватке за растущий рынок флэш-памяти. И емкость памяти у нынешних флэшек уже достигла двести пятьдесят шесть гигабайт, а в новейших образцах даже в несколько раз больше. Не буду вам объяснять, что это значит, скажу лишь – это много. Очень много. А о размерах и говорить не приходится – недавно объявлено о создании флэшки размером с почтовую марку. Представляете себе почтовую марку, в которой умещается с десятков энциклопедий, от Большой Советской до Британники? Я, если уж совсем как на духу, не могу, хотя ими и занимаюсь.

Почему же, спросите вы, до сих пор в компьютерах флэшки не используются в качестве основного накопителя... Я вам не надоел еще своими лекциями?

– Что ты, Яша, продолжай.

– Так вот. Почему в качестве основного накопителя информации в компьютерах используется жесткий диск или, как его еще называют, винчестер, а не гораздо более компактная флэшка? Да потому что винчестер работает побыстрее. И соотношение память – скорость – цена у него пока что лучше. Что в принципе нонсенс, потому что винчестер – это вращающееся устройство и, по законам физики, инерционно, то есть при включении оно требует время на разгон, в чем флэш-память не нуждается.

– Я тебя перебею на секундочку. Знаешь, для профана – а я-то в конце концов в компьютерных тонкостях безусловный профан – этот ваш винчестер вызывает у меня священный ужас дикаря перед непознаваемым. Как это может быть, чтобы в огромном каком-нибудь тексте в сотни страниц, я мог дать компьютеру команду найти какое-нибудь слово, и через долю секунды оно выскакивает на мониторе, как черт из табакерки. Как, пытаюсь я представить себе, могут головки жесткого диска мгновенно перевероршить сотни тысяч слов, чтобы найти нужное? В доли секунды... Чудо чудное...

– Если совсем уж честно, Хозяин, хотя теоретически я, конечно, понимаю, как работает винчестер, для меня это тоже чудо. С другой стороны, если вдуматься, мир вокруг нас полон чудес. Я, признаться, даже по-настоящему не понимаю, что такое электрический ток и как он течет. Как представлю себе полчища бедных несчастных электронов, которых заставляют из-под палки толкаться и пробираться по узким проводникам, сразу пожалеть их, горемык,

хочется. Подневольные. Сидели бы на месте, отдыхали, а то гонят и гонят их. Сколько их, куда их гонят... Просто плакать хочется. Но я, Хозяин, немножко отвлекся. Говоря о флэш-памяти, я сделал маленькое усовершенствование, которое делает мою флэшку не только равной по скорости жесткому диску, но и превосходящей его...

– Такое уж маленькое, Вундеркинд? Или ты просто кокетничаешь?

– Конечно, кокетничаю. Но вернемся к нашим баранам, то есть флэшкам. В принципе для создания нашего принципиально нового компьютера есть всё. Нужно только три воодушевленные и достаточно прочные задницы...

– Задницы? Воодушевленные?

– Угу. Это ведь только считается, что ученый думает головой. Величайшее заблуждение, распространению которого способствуют сами ученые. На самом деле – задницей. В смысле, простите, жопой. Вот я и говорю, что три хорошие преданные науке жопы...

– Это ты о ком?

– Моя, Свистуна и Исидора Исидоровича. Судя по тому, о чем переговаривались ребята, когда выходили от вас, их задницы готовы для трудового подвига.

– А о чем они переговаривались?

– Какую машину лучше купить. Свистуну нравится «шевроле лачетти», а Исидор Исидорович предпочитает маленький «пежо». Скромненько, конечно, но не успеешь оглянуться, они уж к «мерседесам» начнут прицениваться.

– Может, дать им на первый взнос?

– Это, Хозяин, – ухмыльнулся Вундеркинд, – уже мне решать. Может, во мне еще зреет и талант нового Песталоцци или Макаренко.

– Значит, ты считаешь, что сделать новый компьютер можно?

– Всё можно, Хозяин. Надо только знать, за что уцепиться, чтобы не оторвать чего и не утащить для продажи налево. Это ведь наш национальный вид спорта. Может, если бы у нас народишко не тащил всё прямо на ходу, были бы мы впереди планеты всей не только в ракетах и балетах. Хотя говорят, что это по инерции мы так думаем. На самом деле и в том и в другом мы уже давно не безусловные лидеры. Но с мифами расставаться жалко, особенно когда ты вырос на них.

– Ладно, Вундеркинд, верю тебе. У тебя девушка есть?

– Если б одна, – тяжело вздохнул Яша, – а то с двумя бьюсь и никак не решу, какую выбрать.

– Одни плачут, что суп редкий, другие – что жемчуг мелкий. Главное, не давай им отвлекать тебя. А знаешь, Яш, может, тебе ислам принять?

– Ну, еврея могут и не принять. А для чего?

– Как для чего? Заведешь себе две-три жены, чем плохо...

– А что, очень здравая мысль, попробую поговорить с ними...

– Спасибо, Вундеркинд. Ты меня очень поддержал, а то, как я уже сказал, какой-то у меня появился зуд убегающего времени. Знаешь, почему я тебе сразу и безоговорочно поверил?

– Я не очень-то понимаю, почему я сам себе верю.

– Потому что глаза у тебя смешливые и непочтительные, но чертовски честные.

– Спасибо, Петр Григорьевич, можно, я эти слова выбью как скрижали на камне и повешу на стену?

– Можно, Яков Борисович.

Вундеркинд вдруг посерьезнел и внимательно посмотрел на Петра Григорьевича, но промолчал и встал.

– Можно идти, Хозяин, а то там меня мои малыши заждались?

– Иди, Яша. И спасибо тебе.

Вундеркинд еще раз вопросительно посмотрел на Петра Григорьевича. – Не за что. Во всяком случае, пока что не за что.

– Да, чуть не забыл. Не мог бы ты сделать какое-нибудь устройство, чтобы можно было проверить помещение или там машину на предмет нежелательных подслушивающих устройств?

– Проще пареного. Сделаю сегодня же.

– Спасибо. Говорить об этом, как ты понимаешь, не стоит. Когда сделаешь, отдашь моему Косте.

– Будет сделано, Хозяин.

* * *

В дверь позвонили. Степан, кряхтя, сполз с дивана и подошел к двери.

– Кто там?

– Юлий Юльевич.

– Заходите, ЮЮ, – промямлил он, открывая дверь.

– Ну, Степа, ты молодец, герой наш находчивый, – прямо с порога начал ЮЮ. – Не смог заказ выполнить, решил хоть девчонку ухлопать, а? Для отчета, что ли?

– Так она... она ж могла расколоться. Когда она мне позвонила, что бежит ко мне, чтобы отдать мне то, что я ей дал, я сразу понял, что она... ну, что неуправляема она. А что, сидеть и ждать, пока она нас всех сдаст?

– Это ты, Степа, тонко рассудил. Чистый Шерлок Холмс. Только вот заказ-то не выполнен. А заплатить-то нам должны не за какую-то там медсестру, кому она нужна. Ладно, не кручинься так. Что-нибудь придумаем. Машина-то в надежном месте?

– Вполне, в ракушке одной на другом конце Москвы. Да на ней, между прочим, и следов-то практически нет.

– Хорошо, Степа. Хоть одно сделал правильно.

– ЮЮ, я так понимаю, что аванс придется как-то отрабатывать...

– Конечно, пятьдесят тысяч рубликов на улице не валяются. Я сколько ни ходил, что-то их не видел. Не хотелось, скажу честно, тебе такой аванс давать. Сколько тебе на дозу нужно? А пятьдесят тысяч-то тебе на что?

– Не сердитесь, ЮЮ. Я думал Даше что-нибудь купить... А вон оно как получилось... Кто знать-то мог... Но я, ей-богу, отработаю.

– Ты уж отработаешь... Сегодня-то ширялся?

– Да нет, ЮЮ. Дома ничего нет, пусто, а идти... настроение какое-то поганое.

– Понимаю. Я тебе принес.

– Честно? – оживился Степан.

– Ну что я тебя обманывать буду? Держи шприц. – Юлий Юльевич осторожно, не касаясь завернутого в пластик шприца, протянул его Степану. – Перший сорт товар. Афган. Разведен в нужной дозе. Давай, а то мне самому шприц нужен.

Привычным движением Степан поднял рукав, покачал головой, глядя на многочисленные следы уколов, глубоко, с плотоядным присвистом вздохнул, ловко воткнул шприц в руку и надавил на плунжер. Тело его как-то сразу обмякло, он откинул голову на вытертое подголовье дивана и блаженно закрыл глаза.

ЮЮ молча смотрел на него. Тело Степана еще больше обмякло, отчего голова его уперлась подбородком в грудь, потом как-то странно дернулось несколько раз. Рот его приоткрылся, и из уголка побежала тоненькая струйка слюны. Юлий Юльевич вытащил из кармана белые нитяные перчатки, надел их на руки и взял руку Степана. Рука почему-то показалась тяжелой, как металлическая. Он попробовал нащупать пульс, но сквозь перчатки пульс не нащупывался,

и он поднял веко Степана. Зрачок закатился, и глаз выглядел каким-то нелепым уродливым украшением на безжизненном лице.

Юлий Юльевич удовлетворенно кивнул, не торопясь, протер ручку двери – больше, кажется, ни к чему он не притрагивался, и начал методично искать деньги. Деньги лежали под телевизором. Он пересчитал их – по натуре он был человеком методичным и пунктуальным. Тридцать две тысячи. Это ж надо, за три дня спустить восемнадцать тысяч... Он покачал головой, положил деньги в карман своей куртки, снова подошел к Степану и наклонился над ним, прислушиваясь к дыханию. Дыхания не было. Да и не могло быть. Героин был неразбавленный, так сказать, концентрат, и такая доза не то что такого мозгляка, как Степан, и лошадь могла, наверное, убить. Ну, поправил он себя, лошадь не лошадь, а Степану достаточно. Тут уж не передозировка, а перепередозировка. Классический случай, даже у самого подозрительного скептика сомнений не появится.

Жалко ему Степу не было. Может, даже и одолжение ему сделал. Что его, бедолагу, ожидало... Он уже давно никого не жалел, разве что себя, да и то не слишком часто. Никчемное чувство, он давно это понял. Жить только мешает.

Он еще раз оглядел комнату, подошел к двери, прислушался и вышел. Машину он оставил в трех кварталах. Осторожность никогда не помешает. Лучше пере чем недо. Ничего не поделаешь, работа такая. Каждому свое. Как это по-немецки? На воротах концлагерей еще написано было. А, да, вспомнил: едэм дас зайне.

Завтра нужно будет связаться с заказчиком и получить новые инструкции. Самодеятельностью в таких вещах заниматься не стоит. Кто знает, может, он уже передумал или его планы как-то переменялись.

Машина стояла там, где он оставил ее. Еще не подходя к своему старенькому «гольф», он привычно оглянулся. Вроде всё спокойно. Он на расстоянии разблокировал брелоком сигнал тревоги. Открыл дверцу, сел, неторопливо закурил, завел мотор и поехал домой.

* * *

– Анна Николаевна, – сказал секретарю Петр Григорьевич, – попросите, пожалуйста, зайти ко мне Евгения Викторовича. Прямо сейчас, если он может.

Удивительные чувства вдруг начал он испытывать к своему аналитику. И почему-то хотелось как следует рассмотреть его, как будто за те полтора года, что он в фирме, он увидел его в первый раз. Особенно его чеховскую русую бородку и русые же волосы с косым пробором. Привлекательный парень, ничего не скажешь. И бабам, надо думать, нравится. Просто не могут такие не нравиться. Петр Григорьевич почесал ладонью свой голый подбородок и вдруг – словно занавес перед ним поднялся – понял, что именно тянет его к аналитику. Уж во всяком случае не анализы его и графики возможного спроса на продукцию ИТ в ближайшие годы. И не предложения о том, как увеличить продажи. И не потому, что в глубине души мог он – должен был – завидовать его молодости, здоровому телу. Нет, не в этом дело. А дело в том – страшно сказать даже самому себе – что помимо своей воли прикидывал, примерял на себя и русую бородку, и длинные артистические волосы с косым пробором, и хорошо скроенное молодое тело. Хотя так уж против своей воли? Словно костюм выбирал себе в хорошем бутике. М-да... На мгновение он ужаснулся: неужели же мог он всерьез думать о бреднях сумасшедшего вонючего старика? Гнать, гнать от себя нелепый этот вздор! Забыть, выкинуть из головы раз и навсегда. Не было никакого Пушкина, никакой лиры, которой предстояло пережить прах и тленье убежать, никакого Заболоцкого, никаких разрядок и зарядок человеческих голов. Не было никакого мычащего старика, не было никакого разговора о новых телах. Вздор, вздор. Он, конечно, умирает от своей предательницы поджелудочной железы, но голова-то у него пока еще работает, слава богу.

Подожди, вдруг кольнула его живот и голову тоненькая, но какая-то остро торжествующая боль. Кольнула и словно оскалилась саркастически: ишь ты, добродетельный какой... Жить-то, поди, хочешь, старая обезьяна? Забыть о смерти, о черном поджидающем тебя совсем недалеко провале, откуда уже сейчас тянет промозглым холодом могилы? Только не юли, не крутись, как привычно крутился всю жизнь. Как все крутятся. Наберись мужества хоть на краю могилы...

– Разрешите, Петр Григорьевич? – просунул голову сквозь приоткрытую дверь кабинета Евгений Викторович. – Вы меня вызывали?

– Заходите, Евгений Викторович. Садитесь.

Главный аналитик как-то бочком, словно боясь чего-то, вполз в кабинет и, напряженно выпрямившись, присел на самый краешек кресла напротив стола Петра Григорьевича. В руках он нервно теребил целую кипу листочков. Надо его разговорить, подумал Петр Григорьевич, отвлечь, а то он словно аршин проглотил.

– Евгений Викторович, я хотел, чтобы вы мне вкратце обрисовали ситуацию на рынке. Я имею в виду продукцию ИТ. Чего можно ожидать в ближайший год-два? Цифр никаких не нужно, просто ваше понимание этого вопроса.

Напряжение прямо на глазах выходило из аналитика: он облегченно вздохнул и даже устроился в кресле поудобнее. Интересно, чего он так боялся, подумал Петр Григорьевич, не мог же он догадываться, что было в голове у начальника. Хотя, с другой стороны, найти такую работу, как здесь в компании, в Москве не так-то просто. Мало ли что может быть у начальства припасено за пазухой... Потому, видно, и боялся.

– Видите ли, Петр Григорьевич, – начал Евгений Викторович, и голос его звучал всё увереннее с каждым следующим словом, – мне кажется, что информационные технологии – это, так сказать, последний редут технического прогресса.

– В каком смысле?

– В том, что производство, по крайней мере в развитых странах, держится не на реальном спросе.

– А на чем же?

– Только на взбадривающих уколах рекламы. Ну какая, простите, разница между автомобилем модели пятилетней, скажем, давности и нынешней, если, конечно, отбросить всю рекламную болтовню? Я говорю, разумеется, не о годе выпуска, а о модели. Да никакой принципиальной разницы. И самолеты в сущности такие же, что были пять или десять, или пятнадцать лет назад. Ну, чуть экономичнее, но ведь и цена нового товара выше. Я уж не говорю об одежде, обуви и тому подобных вещах. Я вот, например, недавно новую электрическую бритву купил. «Филипс». Так верите, бреет похуже, чем та, которую я еще в Томске приобрел. Дизайн зато новый. Тут всё не на реальной потребности держится, а на моде, которая в сущности ничто иное, как наркотик, на который подсели десятки миллионов, прежде всего, конечно, женщины.

– Гм... А информационные технологии?

– Строго говоря, и они уже давно достигли и даже превзошли уровень реально потребного. Ну, может, для каких-то строго научных или военных целей еще более чудовищное быстрое действие компьютеров и нужно, но это ничтожно малая толика рынка. А основному рынку все эти новшества, сыплющиеся из рога изобилия Гугла и Эппла, Самсунга и Ноккиа и многих других, вовсе и не нужны. Я, например, считаю себя более или менее квалифицированным пользователем своего компьютера. На жаргоне, продвинутом юзером. А использую я его возможности – я недавно прикинул – процентов на десять самое большее. Больше мне и не нужно. Предложи мне какой-нибудь необыкновенный суперкомпьютер по той же цене, что стоит обычный ноутбук, так я и одного процента его возможностей не смогу использовать.

– Почему же все эти новинки все-таки находят спрос?

– Я, знаете, давно думал об этом. И пришел к неожиданному, может быть, выводу, – Евгений Викторович несмело улыбнулся, – что тут дело в том, что потребитель ровным счетом ничего не понимает в устройствах всех этих смартфонов, ноут – и нетбуков, коммуникаторов, электронных книг для чтения, навигаторов, планшетов и тому подобных гаджетов. А раз не понимает, может, как дикарь восхищаться ими и желать себе всё новых божков, хвастаться ими и молиться на них. Главное, конечно, хвастаться. Первый парень на деревне. Ну, и доступность, конечно, свою роль играет. Может, и в самолетах массовый потребитель тоже не очень разбирается, но не станет ведь он покупать себе каждый год по новому Боингу? – Аналитик как-то испуганно улыбнулся и посмотрел на Петра Григорьевича. – Я, может быть, не очень внятно говорю...

– Господь с вами, очень даже внятно и очень интересно. – И совсем неглупый парень, подумал Петр Григорьевич. Вот так работаешь с людьми в одной фирме и понятия не имеешь, что они из себя представляют. Впрочем, он не то что работает, под одной крышей с женой живет, и всё равно остается она для него полной загадкой...

– И вы считаете, что эта тенденция сохранится еще какое-то время?

– Безусловно. Потребление ведь давно уже стало религией куда более эффективной, чем религии традиционные. Там святые и пророки тысячелетиями остаются теми же, а в потреблении каждый год тебе новые объекты потребления-поклонения подсовывают. Новизна и доступность – это, знаете, непобедимое оружие. И никому не хочется отставать от ближнего своего, боже упаси! Наоборот, каждый норовит похвастаться новинкой. Как, у вас нет АйПода от Эппла? А у меня новейший: ткнул пальцем в экран и он что угодно тебе тут же покажет, от биржевых курсов до адресов бутиков, Одноклассников или Твиттера... – Аналитик робко взглянул на шефа, словно сам поражался собственной смелости. – И не дай бог, чтобы потребитель вдруг спохватился и перестал потреблять во много раз больше, чем ему нужно. Я говорю, конечно, о развитых странах.

– Почему же?

– Потому что вся цивилизация начнет тогда рушиться, как карточный домик. Спрос меньше – производство падает. Число безработных катастрофически растет. Зарботки, наоборот, падают. Уровень жизни снижается. Потому что человечество расплодилось в десятки раз больше, чем предписано ему природой, и давно живет, так сказать, не по средствам. В долг. Так что мы все попали в ловушку искусственно поддерживаемого излишнего спроса... И, как ни парадоксально, чтобы современная экономика выжила, она должна всё глубже залезать в ею же расставленные ловушки. – Аналитик испуганно посмотрел на Петра Григорьевича. – Простите меня, разболтался. Я, знаете, иногда так всеми этими вещами увлекаюсь, что никак не могу вовремя остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.